

Д-ръ Д. Пасманикъ

КРИТИКА ТЕОРІИ БУНДА

Цѣна 10 коп.

Д-ръ Д. Пасманикъ.
(Даніель Бенъ-Самуэли).

КРИТИКА „ТЕОРІЙ" БУНДА

Книгоиздательство „Кадима".
Одесса, 1906.

ОДЕССА.
Тип. Гальперина и Швейцера, Екатерининск., 36.
1906.

Критика „теорій“ Бунда.

Ассимиляція не рѣшаетъ еврейскаго вопроса не только съ точки зрѣнія субъективной воли еврейской массы, но и съ точки зрѣнія объективнаго развитія человѣческаго общества вообще. Это развитіе ведетъ не къ ассимиляціи народностей, а къ ихъ дифференціаціи, т. е. къ созданію условій для полнаго развитія ихъ индивидуальностей. Національный вопросъ пересталъ быть вопросомъ исключительно громадныхъ народовъ, вродѣ германскаго и итальянскаго, а сдѣлался самымъ жгучимъ вопросомъ мелкихъ народностей, которыя долгое время казались уже совсѣмъ потерявшими самостоятельность.

Вопросъ о національной автономіи мелкихъ народностей началъ играть въ послѣдней четверти XIX столѣтія ту же роль, какую игралъ вопросъ о національномъ объединеніи великихъ народовъ во второй и третьей четверти прошлаго столѣтія.

Это движеніе въ пользу національной автономіи оказало свое вліяніе и на евреевъ. Было бы крайне интересно прослѣдить исторію этого вліянія, начиная съ Мозеса Гесса и кончая новоиспеченными защитниками абстрактнаго территоріальнаго принципа въ наши дни; мы тогда могли бы констатировать, поскольку національно-еврейская идея содержитъ въ себѣ самостоятельно-оригинальныхъ элементовъ, и что въ ней есть подражательнаго. Это, къ сожалѣнію, отвлекло бы насъ далеко отъ нашей темы—но попутно мы должны будемъ указать на это вліяніе извнѣ.

Это особенно важно при разсмотрѣніи того рѣшенія еврейскаго вопроса, которое предлагается намъ представителями *соціальнаго автономизма* (въ отличіе отъ духовнаго автономизма Дубнова). Замѣтимъ при этомъ, что терминъ «соціальный автономизмъ» не совсѣмъ вѣренъ, потому что «автономисты» — или короче говоря, Бундъ — имѣетъ въ виду исключительно автономію въ вопросахъ національной культуры.

Если мы все-таки выбрали терминъ «соціальный автономизмъ», то лишь потому, что онъ даетъ и опредѣленное рѣшеніе соціальнаго вопроса, хотя и не для всего еврейскаго народа, а только для еврейскаго пролетаріата.

Раньше всего мы разсмотримъ ту часть программы соціальнаго автономизма, которая занимается рѣшеніемъ общееврейскаго національнаго вопроса и лишь затѣмъ мы перейдемъ къ анализу его рѣшенія соціальной проблемы еврейства.

I

Всякая соціально-политическая партія имѣетъ и должна имѣть характерное для нея общее міросозерцаніе, которое служитъ не только для выработки конечнаго идеала, но опредѣляетъ всѣ дѣйствія этой партіи. Это міросозерцаніе должно охватить всѣ проявленія человѣческой мысли и дѣятельности, потому что каждая партія въ своей тенденціи стремится къ господству надъ *всей* жизнью не только данной партіи, но и всего народа, къ которому она принадлежитъ. И рѣшеніе національнаго вопроса даннаго народа должно *естественно* вытекать изъ общаго міросозерцанія партіи, которая беретъ на себя руководство его судьбами.

Эта логическая связь между исходнымъ пунктомъ и всѣми возможными рѣшеніями особенно необходима въ программѣ партіи, міросозерцаніе которой создалось въ виду интересовъ опредѣленнаго *класса*, который вдругъ беретъ на себя рѣшеніе вопроса, касающагося судебъ всего народа, къ которому онъ принадлежитъ.

Не то было съ еврейскими автономистами: за короткій періодъ ихъ существованія они должны были радикально измѣнить свое міросозерцаніе, причемъ они не замѣнили старое новымъ, а смѣшали два разнородныхъ элемента такъ, что въ результатѣ получилось не химически сплоченное, а механически спаянное тѣло, которое при малѣйшемъ толчкѣ распадается на свои составныя части.

Бундъ измѣнилъ свое міросозерцаніе не въ какомъ нибудь второстепенномъ вопросѣ, а въ самомъ кардинальномъ пунктѣ его программы: онъ измѣнилъ основу своего raison d'être. Онъ выступилъ въ жизнь, какъ еврейская группа россійской соціалъ-демократіи и руководствуясь чисто-техническими соображеніями (еврей понимаетъ еврея лучше, чѣмъ русскаго) оставался въ качествѣ особой группы. Но черезъ короткое время объявилъ себя «единственнымъ представителемъ» еврейскаго пролетаріата, и въ концѣ-концовъ вынужденъ былъ ввести въ свое міросозерцаніе совершенно новый элементъ: элементъ еврейской національности. И вотъ здѣсь-то стало совершенно ясно, что это измѣненіе не явилось органическимъ продуктомъ цѣльной системы, а искусственнымъ придаткомъ, навязаннымъ извнѣ, подъ вліяніемъ идей ни сколько не коренящихся въ основномъ міросозерцаніи соціализма. Результатомъ этого явился самый обыкновенный оппортунизмъ, лишенный всякой научной основы и истиннаго творчества.

Но дѣло не въ томъ, чтобы обвинять Бундъ въ внезапномъ измѣненіи своей программы. Лучше поздно, чѣмъ никогда. А дѣло въ томъ, что это измѣненіе сдѣлано лишь въ виду тактическихъ соображеній, подъ вліяніемъ внѣшняго принужденія.

Но все это станетъ ясно, когда мы вникнемъ въ исторію развитія Бунда: факты говорятъ болѣе яснымъ языкомъ,

тѣмъ всякія разсужденія. Тѣмъ болѣе, что исторія эта разсказана самимъ Бундомъ очень вѣрно и объективно [1]).

Первые основатели «соціальнаго автономизма» вышли изъ рядовъ евреевъ-радикаловъ, всей своей психикой коренившихся въ традиціонномъ еврействѣ, но внѣшнимъ—логическимъ образомъ ассимилированныхъ. Еврейскіе радикалы должны были «волей-неволей» искать болѣе удобное поле дѣятельности: они ее перенесли въ свою родную, еврейскую среду, продолжая однако расхваливать прелести русской культуры въ противоположность обветшалой еврейской культурѣ.

Исторія еврейства начинается для нихъ съ момента «паденія крѣпостного права». Имъ хочется отречься отъ многовѣковой исторіи еврейскаго народа и такимъ образомъ освободиться отъ необходимости выяснить, почему это «еврей страдаетъ отъ двойного гнета - и политическаго и гражданскаго безправія» [2]). А вѣдь это было бы очень интересно: разъ еврейскій гнетъ заключаетъ въ себѣ специфическіе *только ему свойственные*, элементы, то его уже нельзя объяснить исключительно внѣшними причинами, а приходится искать объясненія въ долгой исторіи самаго еврейства, въ его историческихъ отношеніяхъ къ другимъ народамъ, въ особенностяхъ его экономической функціи и его духовной культуры, однимъ словомъ, чего добраго, можно натолкнуться на фактъ еврейской національности, исторія которой, понятно, не можетъ начаться съ внѣшняго момента, съ паденія крѣпостного права. Но теоретики автономизма спѣшатъ: имъ надо скорѣе дойти до момента, не достигнутаго еще никакой другой націей, но до котораго счастливо добрался «избранный» еврейскій народъ. Этотъ моментъ, когда «еврейскій народъ *рѣзко* (sic!) раскололся на два враждебныхъ лагеря, пропасть между которыми

[1]) Исторія еврейскаго рабочаго движенія въ Россіи и Польшѣ. 1900.

[2]) I. c. стр. 43.

все росла» [1]). Въ этотъ моментъ зарождается автономизмъ и—знаете гдѣ? Въ «столицѣ русско-еврейскаго гетто», гдѣ кажется, всего меньше можно отречься отъ многострадальной исторіи нашего народа и всего меньше классовыя противорѣчія выражены, въ классической столицѣ еврейской *мелкой* буржуазіи и *безпочвеннаго* еврейскаго пролетаріата: въ г. Вильнѣ, приблизительно въ 1887 году. Собственно не „автономизмъ“ тогда зародился: тогда еще и сама идея объ автономизмѣ была неизвѣстна. Тогда лишь создалась группа людей, работавшихъ среди евреевъ, которая вовсе не думаетъ о «созданіи специально еврейскаго рабочаго движенія», а только „волей - неволей начинаетъ работать въ еврейской средѣ“ причемъ взоры устремлены главнымъ образомъ на русскаго рабочаго... отъ котораго ждутъ спасенія и для еврейскаго пролетаріата» [2]). Понятно, что просвѣщеніе массъ ведется на русскомъ языкѣ. Но съ расширеніемъ поля дѣятельности «русскій языкъ *вол й-неволей* (к. н.) пришлось замѣнить еврейскимъ [3]). Это характерно: позднѣйшіе защитники жаргона, какъ національно-еврейскаго языка, позднѣйшіе защитники еврейской автономной культуры въ началѣ своей дѣятельности желаютъ навязать во что-бы то ни стало еврейской массѣ чуждую культуру на чужомъ ей языкѣ. Между тѣмъ еврейская масса не только требовала родного языка, но и вселила въ своихъ вожакахъ недовѣріе къ русскому пролетаріату, на который они до тѣхъ поръ «обращали свои глаза». Эта масса заставляетъ одного изъ вожаковъ задуматься до того, что русскій пролетаріатъ можетъ въ рѣшительный моментъ «пожертвовать такими требованіями, которыя касаются исключительно евреевъ, напр. свободы религіи или равноправія евреевъ» [4]). Подъ вліяніемъ этого недовѣрія къ русскому проле-

[1]) Ibid стр. 44.

[2]) Ibid стр. 46.

[3]) Стр. 49.

[4]) Ibid стр. 65.

таріату назрѣваетъ мысль о созданіи спеціальной еврейской рабочей организаціи. Мы обращаемъ особенное вниманіе читателя на этотъ пунктъ въ эволюціи Бунда. Мы ясно видимъ, что въ его созданіи играли роль *тольк, отрицательные* факторы: во первыхъ, техническая невозможность широкаго распространенія коллективистскихъ идей на русскомъ языкѣ, а во вторыхъ, недовѣріе къ общероссійскому движенію. Автономизмъ и не думалъ исходить изъ національныхъ моментовъ еврейства; не еврейство, какъ таковое, т. е. какъ народность, имѣющая свои собственные идеалы и исторически обязанная *сама* ихъ осуществить,—опредѣляло ихъ міровоззрѣніе, ихъ программу и ихъ тактику, а внѣшніе факторы оказывали рѣшающее вліяніе на все. Если-бы первые „автономисты" имѣли-бы передъ собой еврейскую массу, владѣющую русскимъ языкомъ, жаргонъ не сталъ-бы элементомъ еврейской національности: если-бы существовала полная вѣра въ общероссійскій пролетаріатъ, что онъ не „пожертвуетъ такими требованіями, которыя касаются исключительно евреевъ", то не было бы нужды въ самомъ автономизмѣ. Въ эту эпоху „равноправіе евреевъ или (это „или" чего стоитъ!) свобода религіи" составляли единственныя требованія еврейства, какъ таковаго; тогда еще и рѣчи не было не только о національной культурѣ, но и о національномъ самоопредѣленіи. Въ эту эпоху даже не нужно было драпироваться въ тогу національзма, потому что въ 1895 году еще не существовало „среди евреевъ національно-радикальное, не коллективистское движеніе, которое могло-бы затемнить сознаніе еврейскаго пролетаріата", даже болѣе, имѣлась на лицо "національная пассивность еврейской буржуазіи", „очень полезная для еврейскихъ коллективистовъ" [1]). Поэтому въ эту эпоху еврейская рабочая организація не должна была дѣлаться національной. Въ этомъ объясненіи лежитъ разгадка всей позднѣйшей эволюціи авто-

[1]) Стр. 70.

номизма въ сторону національзма. Мы видимъ, что не общее міросозерцаніе привело автономистовъ къ „національной автономіи", а чисто временныя, внѣшнія обстоятельства. Они всегда шли въ хвостѣ жизни; въ 1895 году они не могли предвидѣть, что всего лишь черезъ два года въ Базелѣ будетъ засѣдать первый сіонистскій конгрессъ, что «пассивность» дастъ «среди евреевъ національно-радикальное движеніе».

Пока они предпочитаютъ „связь... съ рабочимъ русскимъ, польскимъ, литовскимъ, съ рабочими всѣхъ странъ... связи между еврейскимъ бѣднякомъ и еврейскимъ магнатомъ![1]) Они не предвидѣли, что имъ придется вести впослѣдствіи отчаянную борьбу съ P. P. S. и, что еще печальнѣе, съ русской соціалъ-демократіей. Во истину печальная несправедливость! Пока еще наши «автономисты» обрѣтаются въ лонѣ ассимиляціи: одни пишутъ, что еврейскому рабочему надо бороться «совмѣстно со всѣми рабочими Россіи», а другіе требуютъ, чтобы вездѣ «указывалось лишь на необходимость итти рука объ руку *только* съ польскими рабочими» [2]). Точь въ точь какъ ассимилированная еврейская буржуазія, разыгривающая изъ себя тамъ русскаго шовиниста, здѣсь польскаго патріота.

Наконецъ въ 1897 году одновременно съ объявленіемъ сіонистской организаціи, основывается оффиціально партія Бунда, созданіе которой мотивируется слѣдующими спеціальными интересами еврейства: «Эти спеціальные интересы суть: необходимость уничтоженія гражданскаго безправія евреевъ въ Россіи и потребность въ литературѣ на своемъ (жаргонномъ) языкѣ» [3]).

Снова читатель убѣждается, что основаніе Бунда нисколько не было вызвано національными требованіями еврейства: отмѣна «гражданскаго безправія» не есть специфически

[1]) Ibid стр. 63
[2]) Стр. 75 примѣчаніе.
[3]) Ibid стр. 80.

національное требованіе, а есть требованіе любой и нееврейской прогрессивной партіи, по крайней мѣрѣ въ теоріи. Французскіе и германскіе евреи тоже требовали въ свое время отмѣны гражданскаго безправія на томъ основаніи, что они не составляютъ особой націи, а часть гражданъ страны. Еще болѣе: это требованіе сопровождалось торжественномъ отреченіемъ отъ еврейской національности. Наконецъ, и у насъ еще старые ассимиляторы изъ «маскилимъ» выставили это требованіе во имя гуманности и прогресса всей страны. Впрочемъ и первые основатели Бунда нисколько и не думали видѣть въ этихъ требованіяхъ нѣчто еврейско-національное: они вполнѣ принимаютъ программу россійскихъ с.-д. и даже не заикаются о федеративномъ принципѣ національностей. Это объясняется очень просто: въ ту эпоху Бундъ еще не считаетъ нужнымъ скрывать своихъ ассимиляціонныхъ вожделѣній: онъ тогда вѣрилъ въ то, что еврейская трудящаяся масса также готова ассимилироваться, какъ и онъ самъ. И такъ какъ онъ не отличается историческимъ чутьемъ, то онъ и не понялъ внутренняго процесса совершавшагося въ еврействѣ, онъ не понялъ всего значенія сіонизма, онъ не допускалъ даже мысли о томъ, что сіонизмъ привлечетъ въ свои ряды не только еврейскую буржуазію, но и еврейскій пролетаріатъ. *Лишь подъ вліяніемъ сіонизма* Бундъ становится «автономистскимъ». Въ январѣ 1900 года начинаютъ въ первый разъ поговаривать о „болѣе рѣзкомъ подчеркиваніи національнаго пункта бундовской программы», о томъ, что кромѣ равныхъ гражданскихъ правъ еврейскій пролетаріатъ «долженъ еще требовать и равныхъ національныхъ правъ», подъ которыми подразумѣваются «свобода языка, литературы и т. д.» [1]). Это «и т. д.» является цѣннымъ орудіемъ въ арсеналѣ Бунда. При этомъ «и т. д.» онъ до сихъ поръ остался. Однако и эти скромныя національныя требованія «встрѣтили мало сочувствія на

[1]) Ibid стр. 88.

съѣздѣ» и была принята слѣдующая резолюція: Бундъ въ числѣ своихъ политическихъ требованій *выставляетъ требованіе* **только** *гражданскаго, а не національнаго равноправія»* (К. Н.) [1]). Пусть читатель не забудетъ, что эта резолюція была принята всего лишь пять лѣтъ тому назадъ (въ 1900 г.). Сіонизмъ еще не нанесъ рѣшительныхъ ударовъ всякимъ ассимиляторамъ, и Бунду еще не приходилось скрывать своего ассимиляціоннаго характера. Въ эту эпоху «автономисты» не только не думаютъ о созданіи теоріи еврейской національности, но они даже извиняются передъ соціалистами всего міра въ томъ, что они дерзнули выставить спеціальное требованіе «гражданскаго равноправія». Дѣло въ томъ, говорятъ они, что они только требуютъ, чтобы евреямъ дали возможность пріобщиться къ русской культурѣ» [2]), что другимъ народностямъ Россіи позволяется, какъ напримѣръ: свободный доступъ въ школы и университеты. Другими словами: требованіе гражданскаго равноправія есть требованіе права на безпрепятственную ассимиляцію. «Гражданское равноправіе евреевъ есть *отрицательный* пунктъ бундовской программы. *Положительныя* требованіе ея не заключаютъ въ себѣ ничего специфически-еврейскаго [3]), заявляютъ оффиціальные историки Бунда. Отрицательный пунктъ, т. е. отрицаніе всего того, что мѣшаетъ евреямъ ассимилироваться. И вполнѣ понятно: въ 1900 г. для Бунда, исходящаго „только изъ принципа классовой борьбы... не существуетъ самодовлѣющихъ интересовъ національности“. Впрочемъ теоретически онъ признаетъ за каждой національностью, стало быть и за еврейской, право на самоопредѣленіе *согласно программѣ общероссійскихъ* с.-д. Мы сейчасъ увидимъ, какъ быстро онъ измѣнилъ свой взглядъ на это «право самоопредѣленія націй», какъ онъ, подъ вліяніемъ сіонизма, потомъ высмѣиваетъ без-

[1]) Ibid стр. 90.
[2]) Ibid стр. 119.
[3]) стр. 120.

содержательность этого красиваго, но ничего не говорящаго слова. И это «потомъ» понятно, не Богъ знаетъ когда, а черезъ два года. А пока онъ увѣренъ, въ томъ, что «вопросъ о національной самостоятельности станетъ на очередь только *послѣ* уничтоженія исключительныхъ законовъ противъ евреевъ (т. е. послѣ полученія евреями гражданскаго равноправія), а когда это случится, мы не знаемъ; мы также не знаемъ, произойдетъ ли это до или послѣ измѣненія общаго режима» [1]). И такъ если, въ 1900 году, подъ давленіемъ пробуждающейся національной мысли въ еврействѣ, въ Бундѣ начали *дискутировать* о національной сторонѣ еврейскаго вопроса и приходять къ заключенію, что лишь *послѣ* полученія равноправія евреями можно будетъ поставить на очередь «вопросъ о національной самостоятельности». Почему же? Всякая партія имѣетъ свою программу-минимумъ и программу-максимумъ и никакая партія не скажетъ, что максимальныя требованія нужно выставить лишь послѣ осуществленія программы-минимумъ. Развѣ въ экономической части своей программы Бундъ не выставлялъ максимальныхъ требованій, нисколько не дожидаясь осуществленія предварительныхъ? Почему же эта скромность въ національномъ вопросѣ? Очень просто: это откладываніе ad calendas graecas вызывалось ассимиляторской тенденціей Бунда, который лишь подъ давленіемъ жизни, «волей-неволей» вносилъ національныя требованія въ свою программу, и то въ самыхъ расплывчатыхъ формахъ. Онъ откладывалъ свои національныя требованія на послѣ «уничтоженія исключительныхъ законовъ противъ евреевъ» потому, что онъ надѣялся на то, что *тогда вообще не будетъ мѣста для развитія еврейской національности.* Мы вполнѣ сознаемъ всю тяжесть этого обвиненія, но у насъ имѣются всѣ доказательства.

На самомъ дѣлѣ: какъ вообще себѣ представлялъ тогда «автономизмъ» программу національно-еврейскихъ требованій.

[1]) Ibid стр. 123.

Въ видѣ «свободы языка, литературы и т. д.». Свобода какого языка? Древне-еврейскаго? Но вѣдь это «мертвый языкъ». Какого-же? Разговорно-еврейскаго, т. е. жаргона? На это Бундъ 1900 года отвѣчаетъ: Нѣтъ никакого основанія утверждать, что въ свободной Россіи еврейскій языкъ (т. е. жаргонъ) будетъ имѣть такое-же значеніе для еврейскаго пролетаріата, какъ теперь; наоборотъ, есть данныя, позволяющія думать, что *съ уничтоженіемъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ... значеніе этого языка будетъ все болѣе и болѣе умаляться.* . Каждый еврейскій рабочій, живущій на Литвѣ, стремился къ изученію русскаго языка, это *безспорный и притомъ* **неустранимый** *фактъ*, потому что онъ коренится не въ преходящемъ настроеніи массы, а *въ объективныхъ условіяхъ русской дѣйствительности...* русскій языкъ является орудіемъ въ борьбѣ за существованіе въ странѣ, гдѣ *господство принадлежитъ* русской культурѣ» [1]) Крайне интересно также примѣчаніе къ этимъ разсужденіямъ. «Такое же стремленіе къ изученію польскаго языка замѣчается у евреевъ, живущихъ въ русской Польшѣ».

Мы не обвиняемъ автономистовъ за эти разсужденія: здѣсь они выказываютъ себя тѣмъ, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ были.

Россійскіе с.-д , лучше понимающіе дѣйствительность, чѣмъ наши идеологи гораздо вѣрнѣе поставили вопросъ: «ассимиляція или обособленность», т. е. ассимиляція или сіонизмъ. Автономизмъ 1900 года стоялъ на этой же точкѣ зрѣнія. Утверждая, что въ „свободной Россіи“ русскій языкъ вытѣснитъ жаргонъ, что господство принадлежитъ русской культурѣ, онъ въ то же самое время утверждалъ, что русская литература вытѣснитъ еврейскую, что русская культура вытѣснитъ еврейскую, однимъ словомъ, что не останется ни слѣда національно-еврейской культуры. Или, можетъ быть, послѣдняя была-бы представлена еврейской религіей?

[1]) Ibid. стр. 125.

Но мы обвиняемъ автономизмъ въ томъ, что вполнѣ признавая всѣ эти «неустранимые» факты, онъ въ то-же время говорилъ национально настроенной еврейской массѣ о какихъ-то національныхъ требованіяхъ въ будущемъ, т. е. «послѣ уничтоженія исключительныхъ законовъ противъ евреевъ».

Мы его обвиняемъ въ томъ, что онъ превратилъ еврейскій націонализмъ въ орудіе партійной тактики, въ средство для привлеченія массы.

И въ самомъ дѣлѣ, ровно черезъ годъ послѣ этого категорическаго заявленія, несмотря на то, что въ русской дѣйствительности ровно ничего не измѣнилось, не смотря на то, что исключительные законы противъ евреевъ не были уничтожены, «вопросъ о національной самостоятельности» сталъ на очередь. Какими чудесами? Вытекало ли это измѣненіе фронта изъ какихъ либо измѣненій во всемъ міросозерцаніи? Нисколько. Во всей авто-бундовской литературѣ этого критическаго періода нѣтъ ни одного намека на какія-либо измѣненія въ общемъ міросозерцаніи. За то мы находимъ богатѣйшій матеріалъ, доказывающій, что это измѣненіе произошло подъ вліяніемъ еврейской дѣйствительности, а именно сіонизма.

———

Первый актъ откровенной ассимиляціи конченъ.

Начинается второй актъ—стыдливаго націонализма.

Въ апрѣлѣ 1901 года сцена измѣняется. Оказалось, что «каждая нація помимо стремленія къ... полноправности имѣетъ и національныя стремленія, сводящіяся къ тому, чтобы свойственныя и дорогія ей особенности: языкъ, обычаи, формы быта, вообще культура, имѣли полную свободу проявленія». Оказалось также, что знаменитый пунктъ общемарксистской программы, трактующій о правѣ самоопредѣленія «слишкомъ кратокъ и требуетъ болѣе подробнаго объясненія» [1]).

[1]) Отчетъ о IV-мъ съѣздѣ, стр. 10—11.

Въ первый разъ декретируется, что отнынѣ и впредь и евреи—нація, что „понятіе“ національность «вполнѣ приложимо» и къ еврейскому народу. Впервые выставляется идеалъ федераціи національностей, согласно основаніямъ, *не* принятымъ австрійскими соціалъ-демократами.

Чѣмъ объясняется эта внезапная перемѣна декораціи?

Бундъ даетъ намъ откровенный отвѣтъ на этотъ вопросъ. «Тѣ условія, *которыя въ Россіи вызвали сіонизмъ*, создали различныя національныя коллективистскія партіи, должны были рано или поздно поставить на очередь и въ Бундѣ еврейскій національный вопросъ. Указанія, что онъ чуждъ массѣ, есть лишь голословное утвержденіе. Наоборотъ, *масса даже слишкомъ націоналистично настроена*» [1]) (к. н.)! И даже гораздо позже, какъ автономисты открыли великаго теоретика національной автономіи... Шпрингера и знаменитую брюннскую программу, т. е. когда они уже могли обосновать свой націонализмъ чисто положительными моментами, а именно въ 1902 году, они, ничто же сумняшеся объясняютъ свое измѣненіе фронта слѣдующимъ образомъ „...отсутствіе опредѣленнаго взгляда на національный вопросъ давало себя чувствовать на каждомъ шагу“.

...Въ средѣ самаго еврейства имѣются буржуазныя партіи, выставляющія опредѣленный *еврейскій* національный идеалъ и старающіяся привлечь на свою сторону и еврейскихъ рабочихъ. Спрашивается, можетъ ли при такихъ условіяхъ (вотъ оно что!) Бундъ довольствоваться неопредѣленнымъ и растяжимымъ понятіемъ: «право самоопредѣленія»?.. Національный вопросъ назрѣлъ (а годомъ или двумя годами раньше онъ еще не былъ зрѣлъ?) и никакими заклинаніями вы его не устраните; рѣшеніе его можно отстранить на годъ, на два... но затѣмъ отвѣтъ все таки нужно будетъ дать. Если мы этого не сдѣлаемъ, то это сдѣлаютъ другіе, сдѣлаетъ бур-

[1] Ibid стр. 12.

жуазная интеллигенція, которая, конечно, постарается вызвать наружу дурныя страсти (то-ли дѣло—мы, у которыхъ вообще нѣтъ страстей) массы и воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Мало того (самое страшное лишь впереди!), буржуазная интеллигенція *въ лицѣ сіонистовъ* (ахъ эти сіонисты!) *разныхъ фракцій уже выступаетъ съ національной программой* (к. н.) и все настойчивѣе стремится отвлечь еврейскихъ рабочихъ отъ соціалистическаго движенія. И если мы не хотимъ, чтобы вліяніе на умы рабочихъ пріобрѣли партіи, враждебныя рабочему движенію, если мы хотимъ помѣшать развитію шовинизма въ средѣ еврейскихъ рабочихъ, мы должны взять національный вопросъ въ свои собственныя руки и разрѣшить его въ соціалъ-демократическомъ смыслѣ“ [1]).

Da liegt der Hund begraben! Вотъ гдѣ истинное объясненіе внезапно появившагося національнізма Бунда. «Пожалуйте въ лавочку—всякаго добра имѣется!“—*вотъ* основная причина этого своеобразнаго національнізма: боязнь потерять кліента—вотъ единственный факторъ. Снова мы убѣждаемся въ томъ, что національнізмъ Бунда — лишь тактическій пріемъ: онъ не вытекаетъ изъ общаго марксистскаго міросозерцанія—онъ не вытекаетъ изъ внутреннихъ тенденцій историческаго развитія еврейскаго народа, онъ не есть отвѣтъ на *объективныя* проявленія еврейства. Теорія еврейской націи создана автономистами лишь позже—въ 1904 году,—а раньше этого знаменательнаго года въ лѣтописяхъ еврейской исторіи еврейскій національнізмъ долженъ былъ послужить средствомъ, чтобы конкуррировать съ сіонистами разныхъ фракцій, уже выступившихъ съ національной программой. Все дѣло лишь въ томъ, чтобы «отвлечь интеллигенцію отъ сіонизма», хотя «въ виду... специфическихъ особенностей еврейской буржуазіи... и въ виду наличности въ еврейской средѣ сіонист-

[1]) Къ вопросу о національной автономіи 1902 г. стр. 6.

ко-націоналистическихъ теченій»—«эта сторона дѣятельности Бунда не могла имѣть большого успѣха» [1]).

Понятно поэтому, что, измѣнивъ какъ будто свое общее міросозерцаніе, автономисты нисколько не измѣнили своей тактики, потому что, вѣдь, измѣненіе теоріи было только кажущееся. Все это измѣненіе было предпринято лишь для виду, для привлеченія кліента, и можно было надѣяться, что этого будетъ достаточно для того, чтобы «отвлечь интеллигенцію отъ сіонизма». Лишъ двумя-тремя годами позже, когда оказывается, что «сіонистско-націоналистическія» теченія «очень сильны», Бундъ рѣшается измѣнить и свою тактику. А пока что онъ еще пытается удержаться на старыхъ позиціяхъ и рѣшаетъ не ставить требованія національной автономіи для евреевъ, а ограничиться борьбой «за отмѣну всѣхъ исключительныхъ законовъ противъ евреевъ». Міросозерцаніе какъ будто измѣнилось, а практика осталась таже самая, что и прежде.

И замѣтьте: ихъ своевременно предупреждали! Одинъ изъ ораторовъ на этомъ съѣздѣ (въ 1901 г.) откровенно заявляетъ. «Наша задача, *давно назрѣвшая* и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ оставляемая въ тѣни—подготовлять еврейскій пролетаріатъ къ національной автономіи, развить въ немъ національное самосознаніе. Мы были до сихъ поръ *въ значительной степени космополиты* (т. е. на самомъ дѣлѣ ассимиляторы, надо было-бы сказать)—*мы должны стать національны*» [2]) (к. н.). Но не вняли великіе «теоретики» мудрымъ рѣчамъ, ибо крѣпки они лишь заднимъ умомъ и умѣютъ они итти лишь позади, а не впереди жизни. Годика черезъ два они поумнѣли и начали выступать на бой противъ ассимиляціи. Но тогда они боялись обвиненія въ націонализмѣ, пуще огня. И въ самомъ дѣлѣ, какъ можно было обвинять тогда ихъ въ націонализмѣ. Вѣдь въ лучшемъ случаѣ

[1]) Дѣят. Б. за послѣдніе 2 года. Стр. 6—7.

[2]) IV-ый съѣздъ стр. 12.

вся ихъ «національная автономія есть *только* (к. н.) самоуправленіе по вопросамъ языка и культуры», а вѣдь мы уже раньше доказали, что „еврейскій рабочій стремится къ изученію русскаго языка“. Чего же вы боитесь, жестокіе россійскіе марксисты? Территоріи евреи не имѣютъ; свой жаргонъ они потеряютъ, а «господство принадлежитъ русской культурѣ». Дѣйствительно, автономисты еще заявляютъ, что имъ „не зачѣмъ спорить о томъ, растворятся ли евреи въ окружающихъ народахъ, или сохранятъ свою національную физіономію, воспримутъ ли они культуру сосѣдей, или разовьютъ собственную, усвоятъ ли они русскій, польскій и др. языки, или сохранять свой жаргонъ“[1]). Мы потомъ увидимъ, что это разсужденіе отнынѣ становится краеугольнымъ камнемъ въ новой «теоріи» автономистовъ о еврейской національности, но теперь замѣтимъ только, что, говоря такимъ образомъ, Бундъ покривилъ душой. Онъ прелестно знаетъ, что въ «свободной Россіи», какъ онъ самъ заявилъ, жаргонъ исчезнетъ, что еврей Литвы стремится къ изученію русскаго; а еврей Польши—къ изученію польскаго языка, что, это—«неминуемый фактъ», что „господство принадлежитъ русской культурѣ“ и г. д. Онъ все это знаетъ, но чтобы не испугать слишкомъ националистически настроенную массу, онъ теперь становится умникомъ и не хочетъ пророчествовать.

Все его дальнѣйшее поведеніе объясняется именно этими двумя факторами: съ одной стороны россійская социалдемократія, а съ другой стороны національная еврейская масса и страшный призракъ сіонизма. Между этими двумя противоположными полюсами Бундъ продѣлываетъ самые причудливые скачки, смотря по обстоятельствамъ, съ трудомъ находя моментъ покоя.

Отсюда вся его непослѣдовательность, все несоотвѣтствіе между новой „теоріей“ и старой практикой, между національизмомъ на словахъ и ассимиляціей на дѣлѣ.

[1]) Къ вопр. о націон. автономіи стр. 14.

Въ этомъ отношеніи онъ дѣйствительно доказалъ свое „практическое чутье“. Наша интеллигенція, уже полуассимилированная, сама желаетъ часто только убаюкивать свою совѣсть. Прошло время, когда можно было просто, безъ зазрѣнія совѣсти, оставлять свой народъ; съ одной стороны сіонизмъ, съ другой стороны Кишиневъ и, наконецъ, такъ много говорятъ теперь повсюду о «правѣ самоопредѣленія». Немножко стыдно становится кричать во всю глотку: ас-си-ми-ля-ція. И вотъ необходимо имѣть наркотическое средство противъ внутренняго голоса, протестующаго противъ ассимиляціи sans façon: это средство и найдено въ теоріи національной автономіи, которая въ сущности сводится къ слѣдующему: мы за ассимиляцію, но противъ ассимиляторовъ.

И можно было-бы оставить въ покоѣ всѣхъ этихъ торгашей еврейской національностью, если-бы они не выступали бы назойливо въ роли единственныхъ рѣшителей судебъ еврейскаго народа, въ роли имѣющихъ панацею противъ всѣхъ золъ еврейской проблемы, въ роли передового авангарда еврейскаго народа.

II.

Исторія теоріи національно-культурной автономіи въ высшей степени интересна. Она намъ показываетъ, что никакія ученія марксизма, никакое матеріалистическое міровоззрѣніе не въ состояніи спасти отъ самой фантастической идеологіи. Замѣтимъ сейчасъ-же, что теорія національно-культурной автономіи выросла на почвѣ марксизма, который вообще не признаетъ національностей безъ территоріи. Самъ Марксъ вообще относился враждебно къ національнымъ притязаніямъ мелкихъ народностей [1]). Тѣмъ менѣе можно съ точки зрѣнія марксизма защищать такую идеологическую конструкцію, какъ

[1]) *K. Marx.* Der demokratische Panslavismus. Его-же: Ungarn. Gesammelte Schriften. Marx und Friedrich Engels. III Band 1902.

національно-культурная автономія, какъ мы увидимъ послѣ.

Теорія этой автономіи создалась въ Австріи, въ классической странѣ борьбы національностей. Творцомъ этой теоріи явился отдѣльный человѣкъ, стоящій внѣ опредѣленной политической партіи. Этотъ человѣкъ задался спеціальной цѣлью найти новое разрѣшеніе мучительной національной проблемы, отъ разрѣшенія которой зависитъ все будущее Австріи. Въ тиши своего кабинета, не смущаемый никакими практическими затрудненіями, онъ построилъ замѣчательно логическую теорію національной автономіи, осуществленіе которой возможно лишь—по его мнѣнію—при полной демократизаціи всего государственнаго строя Австріи. Сначала онъ написалъ брошюру, а въ 1902 году появилась его книга, подробно трактующая объ этомъ вопросѣ. Мы имѣемъ въ виду книгу Шпрингера [1]). Со времени появленія этой книги и начинается новая эра въ исторіи нашихъ «автономистовъ». Къ сожалѣнію ихъ «теоретики» этой книги не поняли, что вполнѣ извинительно, потому что она имѣетъ три недостатка: она написана нѣмцемъ, при томъ австрійскимъ нѣмцемъ, и наконецъ, она написана австрійскимъ нѣмцемъ юристомъ. Тяжеловѣсная книга! Не мудрено, что въ ней не легко разобраться.

Мы постараемся вкратцѣ передать основное воззрѣніе Шпрингера на національную автономію.

Nomina odiosa sunt! Это не всегда вѣрно. Часто имя, названіе характеризуетъ все. Шпрингеръ говоритъ о національной автономіи, а Бундъ о національно-культурной автономіи. Этимъ двумъ понятіямъ соотвѣтствуютъ двѣ различныя сущности. Шпрингеръ имѣетъ въ виду автономное самоуправленіе націи не только въ вопросахъ культуры, но во всѣхъ вопросахъ, касающихся матеріальныхъ и духовныхъ интересовъ данной націи, поскольку удовлетвореніе послѣднихъ можетъ

[1]) R. Springer. Der Kampf der oesterreichischen Nationen um den Staat. Erster Theil 1902. Его-же брошюра появилась гораздо раньше и была подписана псевдонимомъ „Synopticus".

вообще быть осуществлено отдѣльной народностью и не требуетъ вмѣшательства государственнаго механизма. Шпрингеръ имѣетъ въ виду націю-государство въ болѣе обширномъ государствѣ. Онъ такъ и называетъ націю: Gliedstaat. А принципъ „національно-культурной автономіи" не что иное, какъ принципъ автономнаго самоуправленія націи *исключительно* въ вопросахъ культуры, сводящихся въ концѣ концовъ къ школамъ, библіотекамъ, музеямъ и т. п. Разница, слѣдовательно, громадная. Можно подумать, что идея нашихъ автономистовъ вовсе не взята на прокатъ у Шпрингера, что она ихъ самобытное издѣліе? Къ сожалѣнію, какъ мы сейчасъ убѣдимся, это предположеніе не выдерживаетъ никакой критики, а объясняется гораздо проще: „практическимъ чутьемъ". Но перейдемъ къ разсмотрѣнію основныхъ идей Шпрингера.

Нація—представляетъ лишь *одну* изъ формъ группировокъ, образующихся въ обществѣ. По существу своему нація представляетъ общность въ области мысли и эмоціи, т. е. въ области внутренней жизни. Поэтому національная культурная жизнь—въ противоположность государственной жизни—не связана съ опредѣленной территоріей. Нація, какъ союзъ одинаково мыслящихъ и говорящихъ личностей не связана съ опредѣленнымъ пространствомъ. Связь между ея членами поддерживается прежде всего общимъ языкомъ, а затѣмъ всѣми продуктами духовной культуры, созданными этой націей. Поэтому нельзя смѣшивать націю съ государствомъ. Случается, что границы первой совпадаютъ съ границами послѣдняго, тогда государство исполняетъ одновременно и національныя функціи. Таковы, напримѣръ, Франція, Германія (до извѣстной степени только, потому что она имѣетъ кромѣ нѣмцевъ еще поляковъ, французовъ и датчанъ), Италія, Англія (кромѣ Ирландіи) и т. д. Но бываютъ и другіе случаи: въ одномъ государствѣ обитаютъ нѣсколько національностей; здѣсь уже государственныя и національныя функціи не совпадаютъ, поскольку націи стремятся къ свободному развитію ихъ различ-

ныхъ культуръ. Но нація не можетъ довольствоваться простымъ признаніемъ свободы каждаго отдѣльнаго ея члена развивать *свою* культуру, она также не можетъ удовлетвориться правомъ образовать свободные союзы для осуществленія тѣхъ или иныхъ культурныхъ цѣлей (наприм. для урегулированія школьнаго вопроса), а нуждается въ правѣ образовать принудительный союзъ всѣхъ ея членовъ, т. е. нуждается въ правѣ исполнять извѣстныя государственныя функціи, скажемъ, взимать налоги въ пользу своихъ школъ. Такимъ образомъ нація получаетъ извѣстную государственную власть.

До сихъ поръ кажется, что Шпрингеръ говоритъ именно о національно-культурной автономіи, свободной отъ всякихъ соціально-экономическихъ интересовъ. Но дѣло въ томъ, что это лишь абстрактная идея націи. Трудности начинаются въ тотъ моментъ, когда мы желаемъ, во первыхъ, разграничить общегосударственныя и національно-административныя функціи и, во вторыхъ, когда мы ставимъ себѣ вопросъ: какъ разграничить національности другъ отъ друга.

Что касается второй трудности—отграниченія національностей, то онъ исходитъ изъ той точки зрѣнія, что территоріальный принципъ тутъ совершенно непримѣнимъ. „Нація, говоритъ онъ, есть союзъ равномыслящихъ и одинаково говорящихъ личностей, культурная община современныхъ людей, не привязанныхъ къ землѣ", причемъ эти люди стремятся къ сохраненію своего единства. Соціальная общность сильнѣе территоріальной: „человѣкъ ближе человѣку, чѣмъ землѣ". Отграниченіе націи, слѣдовательно, обусловливается степенью общенія между ея членами: всѣ, признающіе себя евреями, составляютъ еврейскую націю въ отличіе отъ другихъ національностей. Владѣя опредѣленными государственными функціями, нація представляетъ юридическую личность, или лучше сказать, товарищество.

Но Шпрингеръ сразу видитъ всѣ трудности, вызываемыя практическимъ примѣненіемъ этого принципа. «Принципъ товарищества, какъ формальный правовой принципъ раздѣляетъ судьбу всѣхъ формальныхъ принциповъ: всѣ они не могутъ быть осуществлены до ихъ послѣднихъ логическихъ послѣдствій, а даютъ только руководство для мышленія и для дѣйствія. Существенное значеніе идеи товарищества—въ отрицаніи *территоріи* (Gebietes). *Но государство и его самоуправленіе вкоренены въ территоріи.* Все противорѣчивое національнаго вопроса и кроется въ расхожденіи этихъ двухъ элементовъ: необходимость территоріализировать государственное управленіе и столь-же необходимое персонализированіе національнаго управленія...Если удаленная умозрительнымъ путемъ территорія на практикѣ снова будетъ внесена контрабанднымъ путемъ, для чего тогда весь шумъ"?

На этотъ вопросъ Шпрингеръ даетъ многознаменательный отвѣтъ, который составляетъ ключъ къ пониманію всей его системы и раскрываютъ вамъ основные мотивы всего его плана. Его отвѣтъ гласитъ: *Персональный принципъ* (т. е. принципъ составленія націи изъ личностей, независимо отъ мѣста, на которомъ живутъ эти личности) *отрицаетъ только историческія территоріи, фетишъ областныхъ границъ"* [1]) (к. н.).

Смыслъ этого отвѣта слѣдующій.

Авторъ вовсе не имѣлъ въ виду создать философію разрѣшенія національной проблемы, а считался всегда съ дѣйствительностью, существующей въ его отечествѣ, въ Австріи. Этого не надо забывать. Австрія же страдаетъ отъ борьбы заграницы коронныхъ областей (Kronländer). Богемія требуетъ признанія за собой права, какъ за государствомъ чешскимъ, хотя тамъ имѣется нѣсколько милліоновъ нѣмцевъ, Тироль желаетъ быть чисто нѣмецкой областью, хотя тамъ живутъ много итальянцевъ и т. д. „Коронныя области суть внутренній врагъ габсбургской монархіи" восклицаетъ Шпрингеръ. „Только онѣ создаютъ почву для развитія ирредентизма (т. е. сепаратизма),

[1]) Springer 1. c. стр. 40.

онѣ создаютъ отпавшіяся меньшинства и безцеремонныя большинства. Только раздѣленіе коронныхъ областей въ національно-отграниченные *округи* можетъ уберечь Австрію отъ распаденія". [1])

Изъ этихъ словъ читатель можетъ убѣдиться, что Шпрингеръ совсѣмъ не является тѣмъ отрицателемъ территоріальнаго принципа, какимъ нѣкоторые его себѣ представляютъ. Теоретически, обстрактно онъ себѣ представляетъ Платоновскую идею націи въ видѣ товарищества, обнимающаго всѣхъ индивидуумовъ, причисляющихся къ этой націи, независимо отъ ихъ мѣстопребыванія. Но фактически онъ считается съ жизнью, съ невозможностью существованія какой-бы то ни было администраціи внѣ *опредѣленной* территоріи, а главное, онъ считается съ трудностью разграничить государственныя и національныя функціи. Это всего лучше видно изъ слѣдующихъ разсужденій автора, которыя мы, въ виду ихъ громаднаго интереса, приводимъ цѣликомъ для полнаго выясненія вопроса:

„Первая задача персональнаго принципа—отрицаніе историческихъ областей. А теперь отрицаніе отрицанія: Пусть государство получитъ слово и пусть оно скажетъ, какое территоріальное распредѣленіе всего болѣе цѣлесообразно для него, не считаясь съ проклятой исторіей, и пока еще не считаясь также съ національностями... А теперь синтезъ: персональный принципъ долженъ приспособиться къ этому распредѣленію, что онъ можетъ легко сдѣлать. Навѣрное девять десятыхъ всѣхъ округовъ, отграниченныхъ изъ чисто-административной необходимости—одноязычны (т. е. обитающее въ нихъ населеніе говоритъ на одномъ и томъ-же языкѣ), или же имѣютъ столь незначительныя меньшинства, что ими можно пренебречь—постольку персональный принципъ приносится въ жертву территоріальному принципу. А въ округахъ съ смѣшанными языками вводится различеніе подданныхъ въ національные персональные округи и соотвѣтственное раздѣленіе институтовъ и компетенцій для администраціи — и здѣсь опять поскольку это позволяетъ необходимое единство въ управленіи. Въ этомъ отношеніи административно-техническіе принципы создаютъ необходимое ограниченіе принципа союза личностей и товарищества... Когда же эта мелкая организаціонная работа будетъ сдѣлана, тогда наступаетъ второй актъ; объединеніе всѣхъ округовъ въ государственное цѣлое съ одной стороны, сплоченіе всѣхъ принадлежащихъ къ данной народности въ національное цѣлое. Лишь тогда будутъ существовать и съ точки зрѣнія государственнаго права нѣмецкая и чешская націи съ собственными средствами и задачами, тогда осуществлено стремленіе націй къ единству и къ свободѣ, безъ того чтобы у государства была отнята какая бы то ни было изъ его существенныхъ функцій. Принято обозначать это воззрѣніе, которое отдаетъ націямъ то, что имъ принадлежитъ (первоначальный принципъ и система товарищества), а государству то, что ему принадлежитъ (территоріальный принципъ, который считается съ административно-техническими условіями) терминомъ: система національной автономіи». [1])

[1]) Ibid. стр. 42.

Если мы это переведемъ на простой языкъ практической политики, то планъ Шпрингера означаетъ слѣдующее: теперь вся политическая жизнь Австріи парализована вслѣдствіе нескончаемой борьбы національностей Необходимо найти средство помочь больной Австріи. Теперь Австрія состоитъ изъ нѣсколькихъ коронныхъ областей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой сеймъ, вѣдающій не только дѣла образованія и вообще культуры, но вообще все что касается внутренней жизни данной области. Но въ сеймѣ Праги борятся нѣмецкая и чешская націи, въ галиційскомъ сеймѣ борятся поляки и русины и т. д. Шпрингеръ предлагаетъ раздѣлить эти коронныя земли на округи по національностямъ. А затѣмъ всѣ округи Австріи съ одинаковымъ населеніемъ составятъ одну націю и будутъ имѣть свой сеймъ: тогда вмѣсто сеймовъ Боге-

[1]) Springer l. c. стр. 43—44.

міи, Нижней Австріи, Тироля и такъ далѣе будутъ существовать нѣмецкій, чешскій, польскій, русинскій и т. д. сеймы. Эти національные сеймы будутъ заниматься всѣми тѣми дѣлами, которыми теперь руководятъ существующіе территоріальные сеймы, понятно только, безъ національныхъ раздоровъ. [1])

Національная организація будетъ составляться изъ общины, уѣздовъ, округовъ. Да и иначе, понятно, быть не можетъ. „Персональный принципъ, заявляетъ авторъ, проведенный въ жизнь до своихъ послѣднихъ логическихъ послѣдствій, имѣлъ-бы результатомъ конституированіе восьми имперскихъ національныхъ товариществъ (въ Австріи имѣется 8 націй) безъ всякаго отношенія къ мѣстожительству націй —*результатъ который невозможенъ и не желателенъ для государства и націи. Національное товарищество должно быть территоріально расчленено* (teiritorial untergegliedert), а частичное товарищество (т. е. когда въ одномъ округѣ живутъ двѣ-три націи) должно войти составной частью въ государственный административный округъ». [2]) (К. Н.)

Идея безтерриторіальной націи является и для самаго Шпрингера абсолютно неосуществимой.

Вотъ вкратцѣ основныя идеи Шпрингера, на котораго наши автономисты могли-бы сослаться, когда они намъ говорятъ объ ихъ теоріи національной автономіи. Пока они этого въ своей литературѣ не сдѣлали, они ссылаются на другой авторитетъ: на рѣшенія австрійскихъ соціалъ-демократовъ на съѣздѣ въ Брюннѣ въ 1899 г.

Какія же рѣшенія принялъ этотъ съѣздъ, причемъ мы должны указать на то, что этотъ съѣздъ рѣшалъ національный вопросъ не для теперешней, а для демократизированной Австріи, т. е. онъ рѣшалъ его принципіально? На этомъ съѣздѣ были предложены двѣ резолюціи по національному вопросу и была принята третья.

[1]) Springer l. c. стр 200—205.
[2]) Стр. 180—181.

Мы ихъ приводимъ цѣликомъ, чтобы читатель могъ понять, какъ рѣшила національный вопросъ австрійская соціалъ-демократія.

Резолюція, предложенная центральнымъ комитетомъ партіи, гласила:

«1. Австрія можетъ быть только демократическимъ государствомъ національностей. 2. Это союзное государство расчленяется на автономныя національныя самоуправляющіяся области, которыя по мѣрѣ возможности приспособляются къ областямъ различныхъ городовъ. 3. Самоуправляющіяся области каждой націи образуютъ вмѣстѣ національную единицу, которая вполнѣ автономно управляетъ своими національными дѣлами (т. е. дѣлами касающимися языка и культуры). 4. Національныя меньшинства въ смѣшанныхъ областяхъ должны быть поставлены подъ защиту спеціальнаго закона. 5. Мы не признаемъ никакихъ національныхъ привилегій, поэтому мы противъ требованія государственнаго языка...»

Комитетъ южнославянской организаціи предложилъ слѣдующую резолюцію:

1) „Австрія должна стать демократическимъ союзомъ націй.

2) Каждый живущій въ Австріи народъ представляетъ, безотносительно къ обитаемой имъ территоріи, автономную группу, вполнѣ самостоятельно завѣдующую своими національными дѣлами (касательно языка и культуры).

3) Провинціи имѣютъ только административный характеръ и не должны вліять на національныя дѣла.

4) Всѣ языки государства равноправны, поэтому должны быть отмѣнены всѣ національныя привилегіи, слѣдовательно и государственный языкъ.

Это послѣднее предложеніе находящееся надъ вліяніемъ идей Шпрингера-Синотипкуса, *не было принято* брюнnскимъ съѣздомъ и вызвало очень рѣшительныя принципіальныя возраженія.

Для выясненія вопроса мы должны привести нѣкоторыя изъ этихъ возраженій.

Д-ръ Адлеръ сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Резолюція комитета южнославянской организаціи есть не что иное какъ выраженіе идеи, которую развилъ Синоптикусъ въ своей брошюрѣ о національномъ вопросѣ, а именно: предоставить суммѣ индивидуумовъ право національнаго самоуправленія, какъ это обыкновенно бываетъ съ религіозными товариществами. Это несомнѣнно очень остроумная идея, но я сомнѣваюсь, чтобы *кто-либо считалъ ее теперь практически исполнимой*»[1]). Дашинскій замѣчаетъ, что «каждый народъ имѣетъ собственный домъ». Для него достаточно, чтобы большія массы національностей имѣли право на автономное самоуправленіе. Ганкевичъ требуетъ, чтобы каждая нація имѣла по возможности собственную территорію. Пернерсторферъ: «Мы желаемъ гарантировать существованіе націй въ ихъ территоріяхъ... А гарантировать націю возможно только посредствомъ установленія опредѣленныхъ національныхъ территорій»[2]).

И вотъ послѣ долгихъ дебатовъ, спеціально выбранная ad hoc коммиссія совершенно отказалась принять во вниманіе органическую теорію національностей (теорію внѣтерриторіальной націи) и предложила слѣдующую резолюцію, принятую съѣздомъ единогласно:

«1. Какъ раньше. 2. Вмѣсто историческихъ провинцій образуются *національно-территоріальныя* самоуправленія, законодательство и управленіе которыхъ находятся въ вѣдѣніи національныхъ палатъ, выбираемыхъ на основаніи всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права. 3. Всѣ самоуправляющіяся области одной націи образуютъ одинъ національный союзъ, который автономно завѣдуетъ своими національными дѣлами. 4. Право національнаго меньшинства будутъ за нимъ

[1]) Verhandlungen des Gesammtparteitages in Brünn 1899 Wien. стр. 82.

[2]) стр. 87.

обезпечены особымъ закономъ, изданнымъ имперскимъ парламентомъ».

Вотъ документальныя данныя о теоріи (Шпрингера) и практикѣ (австрійскихъ соціалъ-демократовъ) относительно національной автономіи.

Изъ этихъ данныхъ читатель можетъ убѣдиться въ томъ, что 1) и самъ Шпрингеръ отличаетъ абстрактную теорію отъ практическаго примѣненія идеи національности, какъ товарищества лицъ, независимо отъ ихъ мѣстопребыванія, что 2) та партія, которая навѣрное заинтересована въ полномъ, справедливомъ и демократическомъ рѣшеніи національнаго вопроса въ Австріи стоитъ на территоріальной точкѣ зрѣнія, считая осуществленіе чистой идеи Шпрингера невозможнымъ.

Лишь наши «автономисты» сразу не только признали обстрактную идею національной автономіи конкретно осуществимой, но сдѣлали изъ нея платформу практическихъ требованій. Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что за ними потянулись и другіе политически незрѣлые элементы еврейскаго общества, не замѣчая даже, что все это миражъ, чистѣйшая идеологія, безъ всякаго внутренняго содержанія.

Два момента характеризуютъ всякое общественно-политическое требованіе: его внутреннее содержаніе и его исполнимость.

Разсмотримъ прежде всего первый моментъ: содержаніе «нашихъ національныхъ требованій».

„Національная автономія есть *только* самоуправленіе по вопросамъ языка и культуры, т. е. по вопросамъ, носящимъ специфически-національный характеръ“, заявляютъ наши «автономисты». И даже въ этой сферѣ ихъ требованія очень скромны. Устройство казенныхъ еврейскихъ университетовъ, признаніе еврейскаго языка государственнымъ для извѣстной области и т. д. считается ими *территоріальнымъ* пониманіемъ вопроса. Въ то время какъ Шпрингеръ понимаетъ гораздо шире область національной автономіи; нація по его мнѣнію

кромѣ удовлетворенія чисто духовныхъ потребностей своихъ членовъ должна еще имѣть право устраивать „земледѣльческія и индустріальныя кассы, опытныя станціи, банки и сберегательныя кассы для *внутренней* національной колонизаціи (курсивъ въ оригиналѣ), вкладывать свободные капиталы въ индустріальныя предпріятія и т. д. Коротко сказано, національная палата заботится путемъ законодательства и самообложенія (налогами) націи о духовномъ и матеріальномъ состояніи всѣхъ членовъ націи" [1])

Diminutio capitis, произведенная нашими автономистами надъ объемомъ сферы вліянія національной организаціи, въ высшей степени характерна сама по себѣ, поскольку она раскрываетъ внутренніе мотивы внезапнаго націонализированія нашихъ автономистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ превращаетъ всѣ «наши національныя требованія» въ ничто.

Предположимъ, что „наши требованія" удовлетворены. Что тогда? Евреи будутъ имѣть право устраивать школы, въ которыхъ преподаваніе будетъ на жаргонѣ. Какимъ образомъ можно будетъ заставить евреевъ отдавать своихъ дѣтей въ эти школы, а не въ общегосударственныя или, точнѣе говоря, въ школы той націи, которая по своей численности, по своему политическому и экономическому вліянію фактически господствуетъ въ странѣ? Какимъ образомъ можно будетъ заставить евреевъ платить подати спеціально на содержаніе *жаргонной* культуры, принимая во вниманіе, что предполагается, понятно, демократизація всѣхъ формъ общественной жизни и, слѣдовательно, наличность основного права индивидуальнаго самоуправленія?

А съ другой стороны не забудемъ, что при свободѣ передвиженія часть евреевъ, по крайней мѣрѣ, разселятся по всей Россіи и окажутся разсѣянными настолько, что въ отдѣльныхъ городахъ они по своей малочисленности, фактически не смогутъ воспользоваться своимъ правомъ на культурную

[1]) Springer 1. с стр. 201.

автономію. Характерно, что наши автономисты сами ссылаются на то, что въ нѣкоторыхъ городахъ Зап. Россіи евреи составляютъ большинство, т. е. косвеннымъ путемъ вводятъ территоріальный принципъ. Въ тѣхъ городахъ, гдѣ евреи въ большинствѣ, гдѣ при демократическихъ формахъ общежитія вся коммунальная жизнь, все городское самоуправленіе будетъ въ ихъ рукахъ, лишь тамъ можетъ быть рѣчь о дѣйствительномъ пользованіи всѣми выгодами національной автономіи.

Но здѣсь мы не должны забывать слѣдующаго: культура не самоцѣль—по крайней мѣрѣ для массы населенія,—а средство для увеличенія общаго благосостоянія населенія. Поэтому она находится въ прямой зависимости отъ экономики, отъ хозяйственныхъ интересовъ населенія. Въ діаспорѣ еврейство не образуетъ національно-экономической организаціи, а является частью всей страны. Поэтому и національно-еврейская культура, *поскольку она не основывается на дѣйствительномъ или потенціальномъ территоріальномъ принципѣ*, не возможна, даже если-бы она имѣла всѣ права свободнаго развитія. Конкретные примѣры изъ жизни другихъ народовъ доказываютъ вѣрность нашего положенія.

Французское населеніе Эльзаса-Лотарингіи довольно быстро онѣмечивается, не благодаря внѣшнему давленію и несмотря на всю силу живой французской культуры, а лишь благодаря тому обстоятельству, что оно въ экономическомъ отношеніи зависитъ отъ Германіи. Только крестьянство, очень мало зависящее отъ рынка всей страны, самопроизводящее и самоудовлетворяющееся, сохранило до сихъ поръ французскую культуру.

Чехи, словаки, поляки, русины, горячо защищающіе свою національность, пока они живутъ у себя на родинѣ, т. е. на родной территоріи и въ рамкахъ національнаго хозяйства, очень быстро денаціонализируются, переселившись въ Сѣв.-Американскіе Соединенные Штаты, несмотря на всю демократичность формъ общественной жизни въ этой странѣ

Они сохраняютъ свою національность, поскольку они успѣваютъ завоевать *территорію* въ новой странѣ: эмигранты, образующіе въ новой странѣ компактныя земледѣльческія колоніи съ собственнымъ интегральнымъ (а не только культурнымъ) общиннымъ самоуправленіемъ, долгое время сохраняютъ свою національность. Если они мало по малу все-таки денаціонализируются, то это происходитъ потому, что они не могутъ образовать національное хозяйство.

Это особенно хорошо видно въ Швейцаріи, гдѣ принципъ автономіи проведенъ до крайнихъ его логическихъ послѣдствій, и гдѣ несмотря на это мало по малу исчезаетъ романская культура (въ Граубюнденѣ) и происходятъ довольно замѣтныя измѣненія въ распространеніи другихъ культуръ. Французскіе швейцарцы сѣтуютъ на то, что французы, живущіе въ Цюрихѣ онѣмечиваются, а нѣмцы покачиваютъ головой, констатируя, что нѣмецкіе швейцарцы, живущіе въ Женевѣ офранцуживаются. При этомъ читатель долженъ помнить, что это происходитъ несмотря на то, что одни и другіе имѣютъ право на полную автономію въ школьномъ дѣлѣ, что въ Цюрихѣ фактически существуютъ французскія, а въ Женевѣ нѣмецкія школы.

Все содержаніе національно-культурной автономіи въ формулировкѣ нашихъ «автономистовъ» сводится, слѣдовательно, къ полученію правъ, но безъ опредѣленнаго содержанія, безъ матеріальной подкладки. Фактически, когда всѣ эти требованія были-бы удовлетворены, русское еврейство получило-бы реорганизованную организацію коробочнаго сбора и реформированное общество распространенія просвѣщенія между евреями. Но не больше. Не забудемъ, что «автономисты» очистили свои національныя требованія *отъ всякаго политическаго содержанія*. Они до сихъ поръ не заикнулись о требованіи національно-еврейской куріи при выборахъ, что могло-бы *при извѣстныхъ условіяхъ* создать кой-какую реально-политическую основу національной автономіи. Національная курія при об-

щихъ выборахъ обозначаетъ политическую организацію еврейства въ національность, *отличающуюся отъ другихъ*, это означало-бы объединеніе всѣхъ классовъ еврейства для общей защиты національно-политическихъ интересовъ, означало-бы еврейство не только въ школѣ, но и въ общественной жизни. Но признаніе требованія національной куріи implicite включаетъ въ себѣ признаніе территоріальнаго принципа, признаніе опредѣленныхъ общинъ со всѣми правами самоуправленія, необходимость, объединенія территоріальныхъ общинъ въ округи и т. д. *Политическая дѣятельность націи невозможна внѣ опредѣленной территоріи*, на которой данная нація является полнымъ хозяиномъ, хотя-бы и признавались всѣ права живущаго на этой территоріи чужого меньшинства.

Такимъ образомъ оказывается, что «наши національныя требованія», лишенныя всякаго реальнаго содержанія политическаго и соціальнаго характера, нисколько не могутъ гарантировать нормальное развитіе еврейскаго народа. Пусть не ссылаются на Шпрингера и на резолюцію южныхъ славянъ Австріи. Тѣ имѣли въ виду населеніе, *владѣющее землей*, опредѣленной территоріей, образующее общины со всѣми политическими аттрибутами, населеніе, національность котораго гарантируется всѣмъ спеціальнымъ складомъ ихъ жизни.

Но мы должны еще принять во вниманіе и другую сторону вопроса: исполнимость этого требованія.

Какъ-бы справедливо ни было то или иное требованіе, его исполнимость зависитъ не отъ этики, а отъ реальнаго соотношенія общественныхъ силъ.

Пока всѣ націи, обитающія Россію, стоятъ на территоріальной точкѣ зрѣнія, потому что она лучше всего отвѣчаетъ ихъ интересамъ. Мы уже не говоримъ о чисто русскомъ населеніи, которое не находится въ положеніи австрійскихъ нѣмцевъ, а представляетъ компактное населеніе, занимающее вполнѣ опредѣленную территорію. Но на той-же точкѣ зрѣнія стоятъ поляки и нѣмцы. И когда «автономисты» насъ пате-

тически увѣряютъ, что только національно-культурная автономія... отвѣчаетъ требованіямъ демократіи, пролетарскимъ интересамъ и соотвѣтствуетъ развивающимся условіямъ капиталистическаго строя, то мы должны сказать во первыхъ, что они умудрились contenter tout le monde et son pére, что они въ первый разъ нашли панацею противъ всѣхъ золъ, изобрѣвъ нѣчто, удовлетворяющее и пролетаріатъ и капиталистовъ —крайне рисковано для марксистовъ, — а во вторыхъ, что они распоряжаются безъ хозяина. Въ Австріи не только капиталисты, но и организованный пролетаріатъ слышать не хочетъ объ этой хваленой національно-культурной автономіи, а упорно продолжаетъ стоять на территоріальной точкѣ зрѣнія.

Но то же самое мы замѣчаемъ и въ Россіи: не только капиталисты Россіи и Польши, не только демократія, но и представители россійскаго и польскаго пролетаріата дали рѣзкую отповѣдь всѣмъ мечтаніямъ нашихъ автономистовъ. Болѣе этого: даже представители пролетаріата Кавказа, гдѣ народности дѣйствительно крайне смѣшаны, нисколько не думаютъ отказаться отъ территоріальной точки зрѣнія въ національномъ вопросѣ. Спрашивается теперь, какими средствами 5-милліонное еврейское населеніе, составляющее всего 4% всего россійскаго населенія, сможетъ осуществить свои требованія національно-культурной автономіи? Не останутся ли они простымъ лозунгомъ, пригоднымъ только для того, чтобы усиливать кадры извѣстной партіи?

И когда мы сопоставляемъ «наши національныя требованія» со всей исторіей «автономизма», невольно напрашивается слѣдующая мысль: автономизмъ, по всему своему міровоззрѣнію, по своимъ тенденціямъ принимать въ расчетъ исключительно интересы немногочисленнаго еврейскаго пролетаріата въ его статикѣ, а не въ его динамикѣ представляетъ по существу ассимиляторскую партію въ еврействѣ. Но подъ вліяніемъ сіонизма и «націоналистичности массы» онъ былъ

принужденъ напялить на себя шкуру національзма. При этомъ онъ прикроилъ себѣ націонализмъ особеннаго рода, про который можно сказать, что онъ „viel zum Sterb·n, wenig zum Leben“, націонализмъ фразы, а не дѣла, чѣмъ болѣе сіонизмъ развивается, тѣмъ громче становится *националистичная фраза* автономизма. Эта мысль невольно напрашивается, когда мы припомнимъ исторію соотношенія между національными требованіями и формированіемъ теоріи еврейской націи. Автономисты исходили не отъ признанія еврейской націи къ національной автономіи, а наоборотъ. Ихъ теорія національной автономіи появилась въ 1902 году, а ихъ теорія еврейской націи въ 1904 году.

И за то получилась совершенно своеобразная теорія еврейской національности полная противорѣчій, недосказанныхъ мыслей, нелогичностей.

Вся теорія еврейской національности созданная post festum автономистами есть сплошное недоразумѣніе: разъ конститутивные элементы націи—чисто культурные, разъ культурная автономія гарантируетъ и дальнѣйшее развитіе націи, то спрашивается, почему вдругъ автономисты ограничиваютъ еврейскую національность россійской территоріей? Почему вдругъ здѣсь территорія служитъ отличительнымъ признакомъ еврейской націи? Имѣются и другія націи, которыя разорваны на нѣсколько частей, т. е. живутъ въ различныхъ государственныхъ территоріяхъ. Однако они не перестаютъ признавать свое единство, независимо отъ историческихъ раздѣленій, созданныхъ не ими. Выходитъ, что съ одной стороны нація—чисто культурная категорія, а съ другой стороны политическія событія могутъ измѣнить размѣры еврейской націи. Если какимъ-то чудомъ Галиція завтра очутилась въ предѣлахъ Россійской Имперіи, галиційскіе евреи составили-бы интегральную часть еврейской націи. Et vice versa.

Какъ теорія еврейской націи такъ и теорія національно-культурной автономіи являются во всей системѣ, во всемъ

міросозерцаніи автономизма наносными, оппортюнистическими элементами, вызванными *временными партійными интересами.* И недалеко то время когда дѣйствительная жизнь раскроетъ именно *тактическій* характеръ всего націонализма автономистовъ, *по скольку они останутся вѣрны соціальной части своей программы,* по скольку они не превратятся въ чистыхъ дубновистовъ или же... въ сіонистовъ.

А что касается національно-культурной автономіи, то она относится къ тѣмъ безпочвеннымъ идеологіямъ, которыя разлетаются въ дребезги при малѣйшемъ соприкосновеніи съ реальной жизнью.

Въ сущности, національно-культурная автономія относится къ тѣмъ требованіямъ, которыя служатъ временнымъ лозунгомъ для того, чтобы выторговать хоть кое что. Иногда маневръ удается, а иногда онъ приноситъ громадный вредъ, поскольку онъ убаюкиваетъ сознаніе заинтересованныхъ людей.

Національныя требованія автономистовъ—не только миражъ, но опасное усыпительное средство. Еврейскаго вопроса они нисколько не разрѣшаютъ.

III.

Въ предшествующемъ письмѣ мы разсмотрѣли національную стороны бундовской программы. Мы указали на ея половинчатость, непослѣдовательность и объективную безсодержательность.

Но, можетъ быть, Бундъ слабъ только въ его національной программѣ? Можетъ быть, главная его сила заключается въ соціально-экономической части его программы? Можетъ быть, его главной задачей является разрѣшеніе соціально-экономической стороны въ высшей степени сложнаго еврейскаго вопроса?

Но... для Бунда вообще не существуетъ специфическаго еврейскаго вопроса, а лишь самый обыкновенный, хотя и сложный вопросъ еврейскаго пролетаріата, какъ у всѣхъ

другихъ народовъ, несмотря на то, что фактически еврейскій народъ впродолженіи 2000 лѣтъ продѣлывалъ совершенно своеобразную экономическую эволюцію, которая прямо противоположна эволюціи другихъ народовъ. Лишь въ послѣднее время Бундъ начинаетъ что-то чуять: онъ теперь, съ разрѣшенія Каутскаго, уже начинаетъ указывать на то, что еврейскій народъ въ исключительномъ положеніи, благодаря отсутствію въ немъ земледѣльческаго класса. Но только чуять, но не чувствовать, а еще менѣе понимать. Отсутствіе земледѣльческаго класса.., да вѣдь, это обозначаетъ отсутствіе земельной ренты, составлявшей у другихъ народовъ одинъ изъ главныхъ источниковъ капитализма, отсутствіе нормальнаго развитія ремесла въ нѣдрахъ натуральнаго хозяйства и, слѣдовательно, совершенно искусственное появленіе индустріи, отсутствіе здороваго населенія, быстро приспособляющагося къ фабричной работѣ, однимъ словомъ отсутствіе нормальной дифференціаціи народа по экономическимъ функціямъ. Да мало-ли что? Можетъ быть, этотъ фактъ объясняетъ многія и многія явленія въ прошломъ и настоящемъ еврейства? Все это, т. е. историческая перспектива, или хотя бы логическое примѣненіе историческаго матеріализма, заставляющаго обращать вниманіе на всѣ стороны экономическаго фактора—а отсутствіе земледѣльческаго класса, несомнѣнно, очень важная сторона экономики,—послѣдовательное діалектическое мышленіе, принуждающее насъ разсматривать всѣ явленія въ ихъ послѣдовательномъ развитіи, Бунду абсолютно чуждо.

Бундъ—соціалъ-демократическая партія, т. е. такою онъ себя называетъ, претендуя на единственное представительство интересовъ еврейскаго пролетаріата. Логично было-бы, если-бы онъ прежде всего занялся изслѣдованіемъ положенія еврейскаго рабочаго класса, тогда онъ могъ-бы выработать свою программу на основаніи изученія фактовъ изъ жизни этого класса. При этомъ онъ былъ-бы принужденъ не ограничиваться сухими фактами, а изслѣдовать развитіе и внутреннюю связь

этихъ фактовъ, ихъ тенденціи, другими словами, вмѣсто фактовъ онъ нашелъ-бы процессы. Тогда онъ, навѣрно, замѣтилъ бы, что недостаточно скопировать соціалъ-демократическія программы, созданныя на основаніи результатовъ опредѣленной экономической эволюціи; онъ понялъ-бы, что необходимо, говоря о *еврейскомъ* пролетаріатѣ, вникнуть въ сущность экономической эволюціи именно еврейскаго народа, въ отличіе отъ другихъ.

Онъ не можетъ оправдываться тѣмъ, что онъ основывается на общихъ законахъ, открытыхъ Марксомъ; вѣдь онъ самъ указываетъ на то, что еврейскій народъ, благодаря отсутствію земледѣльческаго класса, находился и находится въ исключительномъ положеніи. А законы Маркса, вѣдь, созданы на основаніи эволюціи народовъ, имѣвшихъ и имѣющихъ земледѣльческій классъ. Можетъ быть, теоретики Бунда того мнѣнія, что эта особенность еврейской экономики не играла и не играетъ никакой роли, что во всякомъ случаѣ эта особенность нисколько не измѣняетъ значенія законовъ Маркса въ примѣненіи къ еврейскому пролетаріату? Но или это надо было доказать и теоретически обосновать, или же никогда не ссылаться на эту особенность, даже когда рѣчь идетъ о полученіи автономіи на жаргонную пропаганду соціализма.

Всѣ эти вопросы никогда не мучили умовъ бундовскихъ теоретиковъ. «Не вводи меня во искушеніе»—вотъ ихъ девизъ. И такъ въ вопросахъ національной автономіи они должны были зашевелить мозгами лишь подъ натискомъ сіонистской пропаганды, точно также и въ вопросахъ еврейской экономики они начали развивать теоріи лишь тогда, когда теоретики изъ сіонистскаго лагеря начали указывать на совершенно своеобразное развитіе и положеніе еврейскаго пролетаріата. Появились капитальныя изслѣдованія о матеріальномъ положеніи еврейскаго народа вообще и еврейской рабочей массы въ частности, но Бундъ не реагировалъ на это. И для чего? Онъ имѣлъ готовую программу, тщательно списанную, и

баста. Но пришли проклятые сіонисты и... появились бундовскія теоріи. И какія теоріи! Если-бы Марксъ могъ снова встать изъ гроба и полюбоваться на творенія своихъ учениковъ! «Herr Gott, schütze mich vor Freunden, vor Feinden schütze ich mich Selber»—навѣрное воскликнулъ бы-онъ.

Эти «теоріи» собраны въ бундовской брошюрѣ о... Поале-ціонизмѣ. Въ чемъ же дѣло?

Какъ извѣстно, поалеціонизмъ—выставилъ теорію о ненормальной пролетаризаціи еврейской массы и постарался объяснить это явленіе: на основаніи изученія фактовъ изъ экономической жизни еврейства не только Россіи и Галиціи, но Лондона и Нью-Іорка онъ доказалъ, что евреи не проникаютъ въ крупно-капиталистическій процессъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ, въ противоположность тому, что происходитъ у другихъ народовъ.

Бундъ съ этой теоріей несогласенъ. Его критика сильно напоминаетъ ту еврейку, которая на обвиненіе въ томъ, что она разбила одолженный горшокъ, отвѣтила: «во-первыхъ, я вернула горшокъ цѣлымъ, во-вторыхъ онъ уже былъ раньше сломанъ, а въ третьихъ, я его вовсе не одалживала». Въ самомъ дѣлѣ отвѣтъ Бунда таковъ: во-первыхъ всякій „кто перестаетъ быть хозяиномъ для себя и работать самостоятельно для своихъ кліентовъ или для рынка, а долженъ наниматься у капиталиста“—уже пролетарій; во-вторыхъ, вытѣсненіе ремесла фабрикой, хотя въ „концѣ-концовъ“ и происходитъ, все же „долгій процессъ“, и намъ нечего бояться: еще долгое время ремесло и домашняя индустрія будутъ существовать и процвѣтать; а въ третьихъ, вся эта сказка—чистѣйшая выдумка невѣжественныхъ поале-ціонистовъ, а на самомъ дѣлѣ мы имѣемъ огромный еврейскій фабричный пролетаріатъ: во многихъ отрасляхъ фабричной индустріи всѣ 100% рабочихъ—евреи. Слѣдовательно, правъ Бундъ, который утверждаетъ, что нѣтъ своеобразнаго вопроса касательно еврейскаго пролетаріата,

а надо только копировать уже готовыя чужія программы.

Разсмотримъ послѣдовательно всѣ три отвѣта.

И такъ, что такое нормальная пролетаризація?

Люди, лишенные всѣхъ орудій производства и принужденные продавать свою работу капиталисту, т. е. человѣку, имѣющему эти самыя орудія производства, уже пролетаріи — поучаетъ насъ Бундъ. Такъ-ли это? Вѣрна-ли это формулировка? Что намъ показываетъ исторія? Въ старомъ Римѣ, уже въ послѣднюю эпоху республики, а еще болѣе во время цезарей, имѣлась громадная масса людей, лишенныхъ орудій производства и принужденныхъ наниматься у другихъ; эти люди такъ и назывались пролетаріями. А между тѣмъ ни Марксъ, ни здравый смыслъ не позволяютъ намъ говорить о наличности въ Римѣ *нормальнаго* пролетаріата, способнаго своей борьбой создавать положительныя цѣнности, новыя прогрессивныя формы общественной и экономической жизни. Римскій пролетаріатъ лишь помогъ разрушить старую республику и отнесся пассивно къ полному крушенію вѣковой культуры. Въ Англіи въ 16 и 17 столѣтіи образовался громадный классъ людей, лишенныхъ всѣхъ орудій производства, благодаря захвату земель аристократіей. Они рады были-бы наниматься къ капиталистамъ, но мѣста не было, не было къ кому обратиться, и они не создали положительныхъ цѣнностей, а для нихъ создали законъ о ворахъ, бродягахъ и нищенствующихъ. Подобное же явленіе было въ Германіи послѣ тридцатилѣтней войны. Однимъ словомъ, первый признакъ *нормальной* пролетаризаціи — наличность производственныхъ формъ, позволяющихъ людямъ, лишеннымъ всѣхъ орудій производства, не только имѣть *право*, но и *фактическую возможность* продавать свою рабочую силу. Среди россійскаго еврейства имѣется 18,8% (т. е. почти одна пятая), которые рады были бы подвергнуться вываркѣ въ фабричномъ котлѣ, но не находятъ мѣста и поэтому должны жить отъ благотворительности.

При чемъ у евреевъ это не временное явленіе, вызванное кризисомъ, какъ это бываетъ у другихъ народовъ, а хроническое, постоянное, имманентное явленіе. И кто знаетъ, какіе размѣры это явленіе приняло-бы, если-бы за послѣднія 25 лѣтъ не эмигрировали-бы изъ Россіи 1.133.000 евреевъ, т. е. почти четверть всего русскаго еврейства. У всѣхъ народовъ массовая эмиграція служитъ доказательствомъ ненормальныхъ экономическихъ условій вообще, ненормальной пролетаризаціи въ частности. Для Бунда же фактъ еврейской эмиграціи какъ будто не существуетъ: онъ его обходитъ вездѣ и всюду гробовымъ молчаніемъ. А между тѣмъ эмиграція служитъ термометромъ производительныхъ отношеній: изъ Германіи до момента широкаго развитія индустріи эмигрировали ежегодно сотни тысячъ, заселявшіе цѣлые Штаты въ Сѣв. Америкѣ, а въ послѣдніе 15 лѣтъ, несмотря на то, что населеніе Германіи растетъ гигантскими шагами (теперь около 60 милліоновъ) ежегодная эмиграція еле достигаетъ 20—25 тысячъ.

Если же мы желаемъ принять во вниманіе только русскія отношенія, то при полной аналогіи изъ всей Россіи за эти 25 лѣтъ должны были-бы эмигрировать около 25—30 милліоновъ, а въ сущности, если мы даже будемъ считаться съ внутренней эмиграціей русскихъ (въ Сибирь и на Кавказъ), нееврейская эмиграція прямо ничтожна. Пусть намъ не говорятъ, что еврейская эмиграція вызвана только политическими причинами: массовая эмиграція всегда вызывается экономическими причинами, какъ мы это могли наблюдать на нѣмцахъ до послѣднихъ 15 лѣтъ, или на итальянцахъ теперь; ни нѣмцы, ни итальянцы не страдали отъ исключительныхъ законовъ. Но объ этомъ еще послѣ.

Первый признакъ ненормальной еврейской пролетаризаціи — наличность громаднаго процента евреевъ, живущихъ отъ благотворительности, т. е. евреевъ, не имѣющихъ орудій производства, но не имѣющихъ также рынка для продажи своей силы. Сюда же относится и другое явленіе: сильное увеличеніе количества чернорабочихъ среди евреевъ: 100.000 черно-

рабочихъ на 46.000 фабрично-кустарныхъ рабочихъ. Въ составъ признаковъ пролетаріата, въ смыслѣ ученія Маркса, входитъ постоянная связь между человѣкомъ и орудіемъ производства, между субъектомъ и объектомъ производства. потому что только изъ эволюціи отношеній между этими двумя факторами возможно ожидать радикальное измѣненіе самихъ экономическихъ отношеній. Чернорабочій же не постоянный участникъ даннаго экономическаго процесса; онъ входитъ лишь въ случайныя сношенія съ орудіями производства, поэтому онъ имѣетъ лишь въ рѣдкіе моменты вліяніе на самый процессъ. Это вліяніе не объективно-сознательное, какъ у фабричнаго рабочаго, а субъективно-стихійное, часто даже реакціонное.

Хорошо, отвѣчаетъ Бундъ, но вѣдь мы имѣемъ сотни тысячи ремесленнаго и торговаго пролетаріата! Никто этого не отрицалъ, ибо поалеціонизмъ никогда не утверждалъ, что еврейство не имѣетъ пролетаріата, а лишь говорилъ и утверждаетъ, что мы не имѣемъ и не можемъ имѣть въ діаспорѣ *нормальнаго* пролетаріата. Представляетъ ли собою ремесленный пролетаріатъ всѣ признаки нормальнаго пролетаріата, *на которомъ исключительно основывается социалъ-демократія*, когда она говоритъ о соціалистическомъ идеалѣ?

Здѣсь Бундъ совершенно растерялъ всѣ крохи марксизма, которые еще имѣлись въ его довольно небогатомъ теоретическомъ складѣ. Или, можетъ быть, онъ вдругъ сталъ послѣдователемъ Бернштейна? Но и Бернштейнъ никогда не утверждалъ того, что теперь Бундъ выдаетъ за марксизмъ. Видите ли въ чемъ дѣло: *«въ концѣ концовъ* всѣ отрасли производства, гдѣ раньше господствовалъ ручной трудъ завоевываются машиной, но это длинный процессъ». Куда-же дѣлась діалектика? Разъ «въ концѣ концовъ» ремесло вытѣсняется фабрикой, то вѣдь не важно, скорѣе или медленнѣе этотъ процессъ совершается, а важенъ результатъ. А съ этой точки зрѣнія важно только выяснить одно: проникаютъ-ли евреи, вытѣсненные изъ ремесла и мелкой торговли, на фабрику, или нѣтъ?

Научно вопросъ можетъ быть поставленъ только такъ, а не иначе, потому что для всякаго социалиста ясно, что соціальный прогрессъ создается не преходящими формами производства, осужденными на смерть, а высшими, жизнеспособными формами производства, къ которымъ принадлежитъ именно крупно-капиталистическое, фабричное производство. Но здѣсь Бундъ дѣлаетъ необычайное открытіе, которое должно сильно радовать всѣхъ марксистовъ: «Понятіе пролетарій—*соціальное понятіе* и означаетъ извѣстныя отношенія *между людьми и обществомъ*, а понятіе *фабричный* рабочій—*техническое* и означаетъ извѣстныя отношенія между человѣкомъ и *природой*». (Курсивъ въ текстѣ). Смыслъ всего открытія—слѣдующій: «Можно быть пролетаріемъ и *не* быть фабричнымъ рабочимъ» (стр. 18). Видно, бундовскіе теоретики не знаютъ, какую роль Марксъ и всѣ его ученики приписываютъ «технологіи», техническому состоянію производительныхъ силъ. Несомнѣнно, что можно быть пролетаріемъ и *не* быть фабричнымъ рабочимъ! Можно быть рабомъ, лишеннымъ всѣхъ орудій производства и создающимъ цѣнности для хозяина, можно быть ремесленнымъ рабочимъ, работающимъ поштучно и притомъ отъ ранняго утра до поздней ночи во время сезона и умирающимъ съ голоду въ несезонное время, можно быть пролетаріемъ въ домашней индустріи, т. е при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ труда. Все это пролетаріи, но... не фабричные рабочіе. Бундъ, видно, никакъ не замѣчаетъ той глубокой пропасти, которая существуетъ между нефабричнымъ и фабричнымъ пролетаріатомъ. Такъ какъ онъ абстрактныхъ разсужденій не любитъ, то мы попробуемъ ему разъяснить все на очень конкретныхъ примѣрахъ. Начнемъ съ исторіи. Кто создалъ классовое рабочее движеніе: ремесленный, скажемъ даже кустарный, или же фабричный пролетаріатъ? Кто составляетъ силу нѣмецкой, австрійской, французской, вообще міровой соціалъ демократіи: ремесленный, или фабричный пролетаріатъ? Кто создалъ чартистское движеніе въ

Англіи, кто вырвалъ у Бисмарка соціальное законодательство, кто реформировалъ новую Италію, кто заставилъ австрійское правительство перемѣнить въ нѣсколько недѣль фронтъ и внести законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, кто велъ титаническую борьбу съ клерикальнымъ правительствомъ въ Бельгіи, кто... ремесленный, или фабричный пролетаріатъ?

Кто создалъ весь марксизмъ, это специфическое индустрицентрическое ученіе?

Посмотримъ теперь, что происходитъ въ жизни. Когда ремесленный пролетаріатъ борется за улучшеніе своего положенія, за уменьшеніе рабочаго дня, за увеличеніе заработной платы, за улучшеніе санитарно-гигіеническихъ условій работы, онъ въ то же время подкапываетъ самую основу своей экономической жизни, потому что онъ ускоряетъ своими требованіями индустріализацію ремесла, т. е. введеніе машинъ и концентрацію производства. При этихъ условіяхъ ремесло не въ состояніи конкурировать съ фабрикой, потому что въ ремеслѣ прибавочная стоимость создается только человѣческими трудами, трудомъ рабочаго, а въ фабричной индустріи прибавочная стоимость создается и человѣкомъ и машиной, и субъектомъ и объектомъ производства. Машина замѣняетъ отчасти человѣка, однако, не только въ работѣ, но и въ процессѣ созданія прибавочной стоимости. Вотъ почему въ Индіи, напримѣръ, до послѣдняго времени было невыгодно вводить машины: человѣческій трудъ стоилъ дешевле машины; но и съ увеличеніемъ требованій со стороны рабочихъ Индіи «домашняя индустрія» все болѣе и болѣе исчезаетъ и уступаетъ мѣсто фабричному производству. То же самое происходитъ въ другихъ странахъ. Ремесленный пролетаріатъ въ своей борьбѣ за заработную плату иногда сознательно, чаще всего безсознательно, борется и за новую «технику» производства, за индустріализацію.

Другое дѣло съ фабричнымъ пролетаріатомъ. Борясь за лучшеніе своихъ условій жизни, онъ нисколько не борется

противъ самой *формы производства*, а противъ формы распредѣленія созданныхъ богатствъ. Онъ упирается обѣими ногами въ солидную почву, созданную всѣмъ процессомъ фабричнаго производства. Именно фабричный рабочій борется не за технику, а за новыя соціальныя отношенія, въ то время какъ ремесленный пролетарій страдаетъ и отъ несправедливыхъ людскихъ отношеній и отъ устарѣлой, отживающей техники.

То же самое можно сказать и о мануфактурѣ, которую бундовскій теоретикъ отождествляетъ съ домашней индустріей. Это крупная фактическая и логическая ошибка. Фактическая, потому что мануфактура предполагаетъ увеличенное ремесленное заведеніе съ очень развитой специализаціей труда, какъ это напримѣръ, имѣетъ мѣсто въ портняжной мануфактурѣ въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, и является, такимъ образомъ, отрицаніемъ домашней индустріи, каковой была Sweating-System. Логическая, потому что домашняя индустрія предшествуетъ мануфактурѣ и вовсе не связана съ послѣдней, какъ напримѣръ чулочное ремесло, работающее не на капиталиста, а для непосредственнаго потребителя. И вотъ эта мануфактура тоже есть лишь переходная форма производства, которая, за извѣстными исключеніями, характерными именно для еврейской экономики и о которыхъ мы поговоримъ послѣ, должно исчезнуть отчасти подъ натискомъ самаго мануфактурнаго пролетаріата. На нашихъ глазахъ этотъ процессъ происходитъ въ текстильной мануфактурной индустріи Германіи, Россіи, Австріи, Японіи, Индіи и т. д.

Понялъ-ли теперь Бундъ разницу между фабричной и ремесленно-мануфактурной пролетаризаціей? Понялъ-ли онъ, что «фабричный рабочій» есть не только техническое, а именно соціальное понятіе, потому что оно соотвѣтствуетъ извѣстной стадіи *производительныхъ силъ*, по ученію марксизма опредѣляющихъ всѣ формы соціальнаго бытія? «Фабричный рабочій» говоритъ намъ о качествѣ и о количествѣ пролетаріата, о степени развитія экономическихъ и общесоціальныхъ от-

ношеній, о развитіи классовыхъ противорѣчій и также о степени приближенія новыхъ формъ общежитія.

Слѣдовательно, въ понятіе нормальной пролетаризаціи входятъ слѣдующіе составные элементы: *отсутствіе орудій производства, наличность рынка для продажи рабочей силы и прогрессивное проникновеніе съ болѣе и болѣе высокія, т. е. въ крупно-капиталистическія, фабричныя формы производства* Поале-ціонисты доказали, что у еврейскаго пролетаріата имѣется вполнѣ первый элементъ, лишь отчасти второй элементъ и поэтому онъ образуетъ такой громадный Luftproletariat, отчасти живущій отъ благотворительности, а отчасти ищущій свое спасеніе въ эмиграціи—и наконецъ, третій элементъ—проникновеніе въ высшія формы производства—почти совершенно отсутствуетъ у еврейскаго пролетаріата.

Боимся, что бундовскій теоретикъ и теперь не пойметъ, что такое *нормальная* пролетаризація. Вѣдь ремесло еще не такъ скоро исчезнетъ, а «домашняя индустрія» процвѣтаетъ! И здѣсь бундовскій теоретикъ, «слыхалъ звонъ, но не знаетъ гдѣ онъ».

Да, Бернштейнъ совершенно правъ, когда онъ утверждалъ, что ремесло и вообще мелкое производство не такъ скоро исчезнетъ, какъ это предполагалъ Марксъ и его ученики. Но Бернштейнъ не бундистъ: онъ знаетъ предметъ, о которомъ онъ разсуждаетъ. Онъ говорилъ о ремеслахъ, въ которыхъ *именно евреи не заняты*. Дѣло вотъ въ чемъ: есть ремесла, которыя приближаются къ искусству; всѣ эти ремесла имѣютъ цѣлью создавать индивидуализированные продукты, т. е. удовлетворяющіе индивидуальные вкусы потребителя. Фабрика производитъ Massenartikel, однообразные массовые продукты. Но съ увеличеніемъ общаго благосостоянія и культурныхъ потребностей является все большее и большее количество людей, заявляющихъ особенныя эстетическія притязанія къ продукту. Желаютъ мебель по спеціальному рисунку, часы, тщательно провѣренные и съ своеобразнымъ рисункомъ н

крышкѣ, стѣны въ домахъ—не просто вымазанныя или покрытыя фабричной бумагой, а разрисованныя со вкусомъ и т. д. и т. д. Вотъ эти ремесленники не боятся конкурренціи фабрики: чѣмъ болѣе увеличатся культурныя потребности людей, тѣмъ болѣе разовьется Kunsthandgewerk, т. е. индивидуализированное ремесло. Но евреи, по чисто историческимъ причинамъ, которыхъ мы не будемъ разсматривать здѣсь, именно не заняты въ этихъ ремеслахъ. Еврейскій ремесленникъ имѣетъ въ виду Massenartikel, удовлетвореніе непосредственныхъ потребностей массы. Это ремесло очень быстро подвергается конкурренціи фабричной и мануфактурной индустріи. Одна машинопроизводительная фабрика уничтожила сотни мелкихъ еврейскихъ кузницъ и прогнала ихъ хозяевъ въ армію нищихъ, или въ ряды эмигрантовъ. Но... есть еще спасеніе: евреи очень сильно заняты въ «игольныхъ ремеслахъ», въ изготовленіи платья, обуви и бѣлья. А эти ремесла тоже трудно поддаются фабричной концентраціи, а только мануфактурной. Это и есть высшая форма «нормальной» пролетаризаціи, которую достигнутъ современемъ русскіе евреи, подобно ихъ собратьямъ въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ. Русско-еврейскіе портные, сапожники и бѣлошвейки потеряютъ современемъ свою самостоятельность и попадутъ въ громадныя мастерскія! Это тотъ пролетаріатъ, который потрясетъ основы капиталистическаго строя!

Но... «я горшка вовсе не одалживалъ!» кричитъ бундовскій теоретикъ въ концѣ концовъ. Вся исторія—ложь; у насъ имѣется громадный, что ни на есть фабричный пролетаріатъ, даже на цѣлыхъ 100% въ нѣкоторыхъ отрасляхъ.

Вернемся же опять къ конкретной дѣйствительности. Если сравнить русское еврейство со всѣми россійскими народами, то еврейство должно было-бы имѣть фабричный пролетаріатъ приблизительно въ 75 тысячъ, разсуждаетъ бундовскій теоретикъ. Опять непростительная ошибка! «Теоретикъ» забылъ, что 75—80% россійскихъ обитателей заняты въ

земледѣліи, въ то время какъ у евреевъ лишь 2—3% живутъ отъ земледѣлія. Если уже сравнивать, то нужно сравнивать еврейское и городское населеніе другихъ народовъ. Тогда выйдетъ, что мы должны были-бы имѣть около ½ милліона фабричнаго пролетаріата.

Но какъ обстоитъ дѣло съ тѣмъ пролетаріатомъ, который у насъ имѣется? Бундъ совершенно забываетъ доказанное нами и не отрицаемое —въ дискуссіяхъ съ соціалъ-демократами!—явленіе націонализаціи еврейскаго пролетаріата въ томъ смыслѣ, что онъ находитъ работу только у еврейскаго фабриканта, явленіе встрѣчаемое нами не только въ Россіи, но во всемъ мірѣ; а затѣмъ онъ совершенно забываетъ, что и эти еврейскіе рабочіе въ сущности не фабричные, а кустарные рабочіе. Онъ даже не замѣчаетъ въ своемъ невѣжествѣ, что приведенные имъ 100% еврейскихъ рабочихъ говорятъ противъ него и въ пользу теорій Поале-ціонизма.

Гдѣ мы находимъ эти громадные проценты еврейскихъ рабочихъ?

	Въ Сѣв.-зап. краѣ.	Въ Юго-зап. краѣ.
Перчаточное производство	100%	100%
Щетинное ,,	96,8	—
Спичечное ,,	95,2	12
Табачное ,,	92,1	78,4
Мыловаренное ,,	84,3	81,1
Пуговичное ,,	84,2	— и т. д.

Что доказываютъ эти цифры? Именно то, что мы утверждали. За исключеніемъ табачнаго производства, всѣ другія сосредоточены почти исключительно въ рукахъ еврейскихъ предпринимателей, поэтому и рабочіе-евреи. А самое важное то, что всѣ эти производства носятъ мелко-кустарный характеръ, а не крупно-фабричный. Такъ, напримѣръ, на всѣхъ 86 еврейскихъ мыловаренныхъ заводахъ черты осѣдлости имѣется цѣлыхъ 352 рабочихъ, т. е. 4 человѣка въ среднемъ

на „фабрику". То же самое съ щетиннымъ производствомъ. „Торговлей обработанной и необработанной щетиной занимаются въ Сѣв.-Западномъ краѣ, по преимуществу, евреи: рабочіе щетинники почти всѣ евреи." А о характерѣ этихъ «фабрикъ» можно судить по тому факту, что ихъ хозяева должны „временно прекращать работу за недостаткомъ щетины для оборотнаго капитала". А спичечныя фабрики? Оказывается, что „преобладающій процентъ рабочихъ занятъ не въ самомъ производствѣ, а при побочныхъ отрасляхъ и не связанъ неизбѣжно съ фабрикой", т. е. и здѣсь идетъ рѣчь о кустарныхъ, а не о фабричныхъ рабочихъ. Не желаемъ дальше распространяться, тѣмъ болѣе, что читатель можетъ найти всѣ данныя въ „Сборникѣ матеріаловъ объ экономическомъ положеніи евреевъ въ Россіи", откуда черпалъ свои данныя и бундовскій теоретикъ, только черпалъ-то онъ немножко своеобразно... Всѣ эти 100% составляютъ во всѣхъ отрасляхъ, вмѣстѣ взятыхъ, всего лишь нѣсколько тысячъ рабочихъ. А сущности вопроса „теоретикъ" не затронулъ: идетъ-ли рѣчь о фабричномъ, крупно-капиталистическомъ, или же о мелкокустарномъ производствѣ.

И такъ читатель подумаетъ, что Бундъ приходитъ къ такому заключенію, что у евреевъ все обстоитъ благополучно, что евреи нормально пролетаризуются—доказательство: 100%—? Нисколько! Бундовцы уже такъ привыкли сидѣть между двумя стульями, что и здѣсь не вытерпѣли на одномъ стулѣ. Ну проповѣдуй, что поале-ціонисты невѣжи, что процессъ пролетаризаціи евреевъ происходитъ, какъ у другихъ народовъ и прекрасно! Невѣрно, но послѣдовательно! Такъ нѣтъ-же! Все хорошо, но... политическій факторъ напуталъ что-то и въ концѣ концовъ выходитъ, что, пока судъ да дѣло, еврейская пролетаризація пошаливаетъ. Видите-ли: черта осѣдлости, евреямъ запрещено заниматься земледѣліемъ, бюрократическій антисемитизмъ, евреевъ не допускаютъ въ училища, недопущеніе евреевъ въ правительственныя фабрики и заводы и т. д.

и т. д. Но вѣдь въ Галиціи евреи равноправны, а въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ царствуетъ демократія. Почему же тамъ то же явленіе относительно формы пролетаризаціи еврейства? Вѣдь рѣчь вовсе не идетъ о томъ, почему русское еврейство бѣдствуетъ вообще, а почему оно не проникаетъ въ фабричную индустрію, хотя-бы въ той-же «чертѣ», гдѣ и еврейскимъ и нееврейскимъ фабрикантамъ не запрещено принимать евреевъ-рабочихъ, тѣмъ болѣе что, благодаря чертѣ осѣдлости, евреи «должны продавать свою рабочую силу почти за ничто, потому что на одно мѣсто имѣются десятки рукъ». (Стр. 31). Въ концѣ концовъ читатель остается въ недоумѣніи: Къ какому же заключенію пришелъ Бундъ? И выходитъ такъ: нельзя не признать, но надо сознаться! Если вообще можно здѣсь говорить о логикѣ, то надо признать, что Бундъ старается доказать нормальность еврейской пролетаризаціи, которая пойдетъ еще нормальнѣе при измѣненіи политическаго фактора. Насколько это ему удалось, пусть судитъ послѣ вышесказаннаго читатель самъ.

Одно несомнѣнно: нисколько не справляясь съ жизнью, Бундъ принялъ за аксіому, что экономическая эволюція евреевъ не представляетъ ничего особеннаго, и что къ нимъ можно примѣнить интегральную социалъ-демократическую программу. Такъ онъ и поступаетъ въ своей практической программѣ. Посмотримъ-же, какое вліяніе реализація этой программы имѣла бы на еврейскую экономику.

IV.

Программа-максимумъ Бунда, какъ соціалъ-демократической партіи, ясна. А такъ какъ, по его мнѣнію, евреи ничѣмъ не отличаются отъ другихъ въ смыслѣ объективной экономической структуры; то онъ въ своей программѣ-минимумъ выставляетъ тѣ-же общія экономическія требованія, которые мы находимъ въ программѣ рабочихъ партій другихъ націй. Все очень легко: надо было только списать. Творческая мысль—и

это въ высшей степени интересно—проявляется только въ области общееврейской программы, т. е. поскольку идетъ рѣчь о равноправіи евреевъ. Но въ области экономической сферы онъ нисколько не считается съ особенностями положенія еврейскаго народа вообще и еврейскаго пролетаріата въ частности. Въ чемъ-же состоятъ его экономическія требованія? восьми-часовой рабочій день, запрещеніе ночной работы за рѣдкими исключеніями, вообще самое широкое соціальное законодательство.

Все прекрасныя вещи! Но задумался-ли бундовскій теоретикъ, какое вліяніе все это законодательство, если-бы оно было проведено въ жизнь, имѣло бы на экономическое состояніе еврейскаго ремесленно-мануфактурнаго пролетаріата? Сомнѣваемся! Онъ даже не понялъ внутренняго смысла этого законодательства. Когда всѣ эти требованія выставляются рабочими партіями другихъ государствъ и народовъ, то они при этомъ преслѣдуютъ двоякую цѣль: во первыхъ, онѣ хотятъ улучшить положеніе фабричнаго рабочаго, уменьшить резервную армію безработнаго пролетаріата, а во вторыхъ онѣ преслѣдуютъ этимъ совершенно ясную и опредѣленную цѣль, а именно—индустріализацію ремесла, уничтоженіе потогонной системы и всѣхъ формъ «домашней индустріи», основанной именно на безконтрольной эксплуатаціи труда, превращеніе всѣхъ низшихъ производственныхъ формъ въ высшія. Четвертый конгрессъ нѣмецкихъ профессіональныхъ союзовъ (въ сентябрѣ 1902 года въ Штутгартѣ) принялъ по поводу домашней индустріи (Heimindustrie) резолюцію въ томъ смыслѣ, [1]) «что только путемъ полнаго законнаго *запрета* всяческой домашней индустріи можно уничтожить ея вредныя послѣдствія, а какъ переходную стадію къ этому запрету онъ требуетъ введеніе цѣлаго ряда ограничительныхъ *опредѣленій*, какъ запретъ дѣтскаго труда, подведеніе домашней индустріи подъ контроль фабричной инспекціи, примѣненіе всего рабоча-

[1]) W. Schröder: Gedanken zum Heimarbeitsausstellung. Socialist. Monatsuhefte. 1906. № 3.

го и страховаго законодательства ко всей домашней индустріи и т. д.» [1]).

Конгрессъ для защиты рабочихъ домашней индустріи (7—9 марта 1904 г.) выставляетъ слѣдующія требованія:

Накладываніе особенной печати на всѣ товары, произведенные вполнѣ или отчасти —домашней индустріей; запрещеніе имперіи, отдѣльнымъ (нѣмецкимъ) государствамъ и общинамъ сдавать заказы предпринимателямъ, которые пользуются домашней индустріей. Здѣсь ясно и сознательно проводится одна и таже цѣль: уничтожить всю домашнюю индустрію, которая вредитъ не только рабочимъ занятымъ въ ней самой, но и фабричнымъ рабочимъ. Кстати, какъ видно, фабричный рабочій представляетъ собою не только невинное техническое, а очень содержательное соціальное понятіе, а именно потому что оно содержитъ въ себѣ элементъ жизни, прогресса, будущности, а домашняя индустрія пахнетъ затхлостью, реакціей и смертью.

Спрашивается, въ какомъ смыслѣ Бундъ выставляетъ и для еврейскаго пролетаріата, занятаго въ ремеслѣ и домашней индустріи, требованія 8-часового рабочаго дня, запрета дѣтскаго и ночного труда и т. д. Осуществленіе всѣхъ этихъ требованій должно будетъ неизбѣжно нанести сильнѣйшій ударъ всему еврейскому ремеслу и всей домашней индустріи, какъ это случилось бы у всѣхъ другихъ народовъ; вѣдь пролетаріатъ, какъ мы уже видѣли, сознательно желаетъ уничтоженія домашней индустріи. Но у другихъ народовъ выброшенный изъ отсталыхъ формъ производства переходитъ на

[1]) Какъ точно бундовскій теоретикъ обходится съ фактами, читатель можетъ судить по слѣдующему факту: не моргнувъ глазомъ, онъ сообщаетъ, что въ Швейцаріи поѣзда не ходятъ ночью (отъ 11 до 5 ч. утра). См. „Unsere Forderungen“ стр. 76. Всякій, кто жилъ въ Швейцаріи, знаетъ, что изъ Женевы можно выѣхать въ часъ ночи, изъ Лозанны въ 4 ч. утра, изъ Берна въ 2 ч. 12 м. ночи и т. д. Однимъ словомъ, всю Швейцарію можно проѣхать ночью: выѣхавъ въ 8 ч. вечера изъ Цюриха можно пріѣхать въ 6 ч. утра въ Женеву.

фабрику, въ то время какъ еврейскій пролетарій, очутившійся внѣ своей домашней индустріи, попадаетъ въ ряды Luftproletariat'a. А между тѣмъ теоретикъ Бунда указываетъ на нашъ ремесленный и кустарный пролетаріатъ, какъ на нашу силу, которая „не такъ скоро исчезнетъ“. Чѣмъ-же объяснить это? Очень просто. „Теоретикъ“ знаетъ, что его требованія еще очень долгое время останутся пустымъ звукомъ, потому что при нынѣшнемъ общественномъ строѣ домашняя индустрія очень трудно поддается контролю: очень трудно ходить въ каждую хижину и лачужку и слѣдить за тѣмъ, до какого часу ночи домашніе ткачи, скажемъ, работаютъ, работаетъ-ли только мужъ, или и жена и дѣти.

Только въ нѣкоторыхъ отрасляхъ домашней индустріи соціальное законодательство можетъ *отчасти* принести пользу: въ области приготовленія платья, обуви и бѣлья можно ожидать превращенія въ мануфактурное производство, основанное на спеціализаціи труда, какъ это было въ Америкѣ. Но вообще говоря, мы находимся передъ дилеммой: или полный запретъ домашней индустріи, что грозило-бы сотнямъ тысячъ пролетаріямъ голодной смертью, или же... полное непримѣненіе соціальнаго законодательства въ области домашней индустріи.

Въ Германіи и Швейцаріи, въ этихъ странахъ, съ самымъ развитымъ рабочимъ законодательствомъ, домашняя индустрія почти безъ всякаго контроля.

При нынѣшнихъ условіяхъ труда какъ избѣгнуть поштучной платы? Понятно, что мы говоримъ исключительно о домашней индустріи, столь распространенной среди русскихъ и галиційскихъ евреевъ. Надо при этомъ принять во вниманіе, что въ этой области, какъ и въ ремеслѣ, дѣло касается сезоннаго продукта, который производится только нѣсколько мѣсяцевъ въ году.

Не распространяясь дальше, мы видимъ, что эти требованія бундовской программы—минимумъ могутъ принести пользу только ничтожной части нашего полумилліоннаго ев-

рейскаго пролетаріата въ Россіи, а именно тому, который работаетъ въ дѣйствительныхъ фабрикахъ, при томъ еще при машинахъ. Соціальное законодательство является самымъ могущественнымъ рычагомъ техническаго прогресса, заставляя фабриканта наверстать свою «прибавочную стоимость» на усовершенствованныхъ машинахъ, чему самымъ лучшимъ доказательствомъ служитъ Германія. А такъ какъ мы уже доказали въ другомъ мѣстѣ, что евреи-рабочіе не проникаютъ въ крупную индустрію, то остается... эмиграція.

Для избѣжанія недоразумѣній мы должны сейчасъ же заявить, что мы вовсе не хотимъ этими разсужденіями доказать безполезность или даже вредъ соціальнаго законодательства для еврейскаго пролетаріата. Мы только желаемъ сказать, что наши требованія должны основываться на точномъ изученіи фактовъ своеобразной структуры еврейской экономики. Такъ и поступаютъ другія соціальныя партіи, когда имъ приходится выставлять требованія той или другой группы съ своеобразной экономикой, напримѣръ, земледѣльческой. Люди жизни, хотя и не менѣе ортодоксальные марксисты, чѣмъ бундовскіе теоретики, стараются выработать аграрную программу, отвѣчающую требованіямъ реальной жизни.

А Бундъ-же мало отвѣчаетъ на соціальныя, какъ и на національныя требованія еврейскаго пролетаріата. Онъ не можетъ отвѣтить на эти нужды, потому что онъ неспособенъ понять всего глубокаго значенія одного явленія въ жизни еврейства, эмиграціи. «Вся исторія съ эмиграціей, пишетъ „теоретикъ", вы здѣсь тоже забыли или закрыли глаза на *политическія* причины еврейской эмиграціи. Вообще эмигрируетъ лишь *малая часть* населенія, которая вообще не имѣетъ большого значенія". (Der Poalezionismus, стр. 44. Курсивъ въ текстѣ). Вы тысячи, десятки тысячи, сотни тысячъ евреевъ, которые эмигрируете, несмотря на всѣ препятствія, трудности и опасности, составляете лишь „*малую часть*, которая вообще, не имѣетъ большого значенія". Пусть намъ о

покажутъ другой народъ, который при какихъ-бы то ни было условіяхъ эмигрировалъ въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ евреи! Развѣ лишь ирландцы въ серединѣ прошлаго столѣтія! А между тѣмъ соціалистическія партіи тѣхъ странъ, изъ которыхъ эмиграція довольно значительная, очень и очень серьезно занимаются этимъ вопросомъ и стараются ее урегулировать, изслѣдовать, организовать. Такъ, напримѣръ, поступаютъ въ Италіи. Но, можетъ быть, «теоретикъ» намъ отвѣтить, что еврейская эмиграція ничтожна и что она временна въ зависимости отъ политическихъ условій и что онъ, борясь за измѣненіе нормальнаго политическаго положенія евреевъ, тѣмъ самымъ уже «регулируетъ» эмиграцію? Но и здѣсь близорукость Бунда прямо преступна. Что касается размѣровъ эмиграціи, то, какъ мы уже указали, что она колоссальна: за 25 лѣтъ эмигрировала изъ самой Россіи почти $^1/_4$ всѣхъ имѣющихся теперь въ Россіи евреевъ (1 133.000). Въ среднемъ ежегодно эмигрируютъ 1,77% еврейскаго населенія, при чемъ, понятно, мы эмиграцію послѣдняго года не приняли во вниманіе, потому что данныя еще неопубликованы. Но какъ ложно думать, что еврейская эмиграція обусловлена исключительно политическими причинами, видно изъ того, что эмиграція прогрессивно возрастаетъ, специально изъ юго-западнаго и изъ южнаго края, пропорціонально съ развитіемъ индустріи въ этихъ краяхъ. Первое сильное возростаніе эмиграціи мы констатируемъ въ восьмидесятыхъ годахъ послѣ изданія извѣстныхъ ограничительныхъ законовъ противъ евреевъ. Здѣсь эмиграція —по политическимъ причинамъ. Къ концу восьмидесятыхъ годовъ эмиграція ослабѣваетъ и снова увеличивается, но уже гораздо въ большихъ размѣрахъ, съ 1894 года: здѣсь уже эмиграція по чисто экономическимъ причинамъ. Это впрочемъ доказывается и составомъ эмигрантовъ: въ началѣ они рекрутируются, главнымъ образомъ, между мелкими торговцами, а впослѣдствіи, преимущественно, между ремесленниками.

Но имѣется, вѣдь, еще болѣе ясное и вѣрное доказа-

тельство экономическаго характера еврейской эмиграціи: мы имѣемъ въ виду еврейскую эмиграцію изъ Галиціи, превосходящую, пропорціонально къ населенію, эмиграцію изъ Россіи. Изъ Россіи, какъ мы уже сказали, въ среднемъ эмигрируютъ ежегодно 1,77%, а изъ Галиціи 2,4% всѣхъ евреевъ, а въ Галиціи евреи пользуются равноправіемъ и правомъ повсемѣстнаго жительства и имѣютъ даже нѣсколько маіоровъ, членовъ суда, высшихъ чиновновниковъ, кондукторовъ, однимъ словомъ, осуществили уже до извѣстной степени бундовскій идеалъ [1]).

Кромѣ этого Бундъ, говоря объ эмиграціи, упустилъ изъ виду потенціальную эмиграцію, т. е ту огромную еврейскую массу, которая желаетъ, должна, но не можетъ эмигрировать, за неимѣніемъ средствъ. Еврейство такъ обѣднѣло, что оно даже вполнѣ эмигрировать не можетъ. И, наконецъ, Бундъ забываетъ специальное положеніе еврейской эмиграціи, наталкивающейся все болѣе и болѣе на закрытыя двери. И что крайне важно, стѣсненіе еврейской иммиграціи вызывается прежде всего требованіями рабочаго класса странъ иммиграціи.

Недавно еще Кейръ-Гарди, вождь англійскихъ рабочихъ требовалъ въ англійскомъ парламентѣ болѣе строгихъ мѣръ противъ иммиграціи «чужихъ», т. е. евреевъ. То же самое мы наблюдаемъ въ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, не говоря уже объ Австраліи. И вотъ въ виду столь важнаго соціальнаго явленія въ жизни еврейства Россіи, Галиціи и Румыніи, явленія одинаково касающагося мелкой буржуазіи и пролетаріата въ нашемъ народѣ, Бундъ имѣетъ дерзость заявить, что оно вообще не имѣетъ значенія! Глубокій умъ Бундовскаго «теоретика» изощряется надъ разрѣшеніемъ всѣхъ проблемъ, онъ даже вырабатываетъ аграрную программу для русскаго крестьянства (какъ вамъ нравится

[1]) Въ своей программѣ Бундъ выставляетъ какъ специальное требованіе пролетаріата—допущеніе евреевъ въ офицерское сословіе.

бундовскій „теоретикъ“ и—аграрная программа!), а слона въ еврейской жизни онъ такъ и прозѣвалъ.

Намъ кажется, что здѣсь лежитъ основная причина отсутствія оригинальнаго творчества въ бундовскихъ сферахъ. Они способны только подражать и итти въ хвостѣ движенія.

Національную программу списываютъ у Шпрингера и изъ программы южно славянскихъ соціалистовъ, а соціальную программу копируютъ у любой соціалъ-демократической партіи. Отсутствуетъ пониманіе жизни во всемъ ея объемѣ, отсутствуетъ пониманіе такого важнаго явленія, какъ эмиграція, которая въ сущности, создана не временными причинами того или иного характера, а всѣмъ ходомъ нашей исторіи въ діаспорѣ, отсутствіемъ національно-еврейскаго хозяйства.

Но что такое «національно-еврейское хозяйство»?—восклицаетъ «теоретикъ». И начинается банальное поученіе о томъ, что капитализмъ то и то сдѣлалъ, что капитализмъ, однимъ словомъ, интернаціоналенъ и разрушилъ уже всѣ національныя хозяйства. Что это: дѣланная наивность, или же попросту непониманіе жизни?

Для „теоретика“ Бунда понятіе національнаго хозяйства можетъ обозначать двѣ вещи: или замкнутое въ себѣ, самоуправляющееся хозяйство, способное само удовлетворить потребности опредѣленной націи, или-же хозяйство, въ которомъ еврейскіе рабочіе были-бы эксплуатированы только еврейскими, а не другими капиталистами. И вотъ, давши такое умное опредѣленіе, онъ при помощи разныхъ банально-тошныхъ фразъ увѣряетъ насъ, что это вещь невозможная, потому что капитализмъ уже уничтожилъ національныя хозяйства, заставляя ихъ „расплавиться въ общемъ, всемірномъ хозяйствѣ“ и заставляя пролетаріатъ постоянно странствовать и т. д.

Остановимся прежде всего на опредѣленіяхъ Бунда.

Если кто либо утверждалъ-бы, что онъ стремится къ созданію герметически заключеннаго хозяйства, то онъ дѣйствительно доказалъ-бы, что онъ съ луны упалъ, или, по

крайней мѣрѣ, что онъ проспалъ нѣсколько столѣтій Но гдѣ Бундъ нашелъ это опредѣленіе? Въ какомъ сіонистскомъ органѣ, въ какой сіонистской брошюрѣ? И здѣсь повторяется то же самое: «теоретикъ» слыхалъ звонъ, но не знаетъ гдѣ онъ. Въ какомъ положеніи находятся теперь національныя хозяйства? Ни одно изъ нихъ не въ состояніи самоудовлетвориться, но каждое изъ нихъ имѣетъ *собственные объекты, обмѣна*, будь это земледѣльческіе продукты, будь это сырые продукты для индустріи (уголь, желѣзо) или же обработанные фабричные продукты. Капиталистическій процессъ составляется изъ трехъ элементовъ: изъ рабочей силы, сырыхъ продуктовъ и капитала, сущность котораго мы здѣсь разсматривать не будемъ. Національное хозяйство—то, которое владѣетъ всѣми этими тремя элементами, хотя-бы и въ различныхъ пропорціяхъ. Но этого недостаточно. Вѣроятно и Бундъ слыхалъ о тарифной войнѣ, о системѣ пошлинъ, о свободѣ торговли и протекціонной системѣ, о колоніальныхъ войнахъ. Не забудемъ, что Бундъ утверждаетъ, будто капитализмъ уничтожилъ національныя хозяйства. А кто вводитъ пошлины, протекціонные тарифы, кто ведетъ колоніальныя войны и для чего это дѣлается? Дѣлаетъ все это, скажетъ намъ умный теоретикъ, только и только капитализмъ и дѣлаетъ онъ это, подскажетъ поалеціонистъ наивному Бунду, для защиты «національнаго хозяйства». И какъ извѣстно, находятся даже социалъ демократы, въ родѣ Шиппеля, утверждающіе, что даже пролетаріатъ заинтересованъ въ пошлинахъ для защиты національнаго труда. Что это все означаетъ? Наличность національныхъ хозяйствъ, борющихся между собой за рынки и вступающихъ между собой въ обмѣнъ своими продуктами. Интернаціоналенъ обмѣнъ, но производство національно. Почему? Очень просто: каждая нація, за исключеніемъ еврейской, владѣетъ *всѣми* элементами производства Другими словами: у всѣхъ націй, кромѣ еврейской, имѣется *нормальное распредѣленіе экономическихъ функцій*, имѣется классъ земледѣльцевъ, ремесленниковъ, торговцевъ,

капиталистовъ и индустріальнаго пролетаріата. Какую важную роль играетъ при капиталистическомъ строѣ національное хозяйство, видно по тому обстоятельству, что Англія старается усилить не только классъ англійскихъ земледѣльцевъ, но предпринимаетъ цѣлый рядъ мѣръ для упорядоченія ирландскаго земледѣлія: консервативное министерство Бальфура должно было рѣшиться гарантировать ирландскимъ крестьянамъ выкупъ земли изъ хищныхъ рукъ англійскихъ ландлордовъ и такимъ образомъ уменьшить эмиграцію ирландцевъ въ Америку. Всѣ эти данныя доказываютъ, что безсмысленно утверждать, будто капитализмъ уничтожилъ «національныя хозяйства», особенно въ то время, когда всѣ державы все болѣе и болѣе переходятъ къ протекціонной системѣ. Что обозначаетъ конференція по поводу Марокко, какъ не борьба за «національное хозяйство»? Если Жоресъ выступаетъ противъ этой борьбы, то лишь потому что онъ считаетъ Марокккій рынокъ слишкомъ ничтожнымъ.

Евреи же единственная нація въ мірѣ, которая не имѣетъ «національнаго хозяйства», у которой недостаетъ земледѣльческаго класса и вслѣдствіе этого представляетъ ненормальную дифференціацію экономическихъ отношеній, а главное, единственная нація не имѣющая собственныхъ объектовъ обмѣна, потому что не имѣетъ собственной земли, доставляющей сырые продукты для производства. Вотъ почему сіонисты вообще и поалеціонисты въ частности говорятъ о необходимости возрожденія еврейскаго «національнаго хозяйства», которое въ началѣ, сможетъ и должно будетъ жить не только отъ собственнаго производства, но и отъ внутренняго обмѣна и лишь съ дальнѣйшимъ развитіемъ вступитъ въ круговоротъ всемірнаго обмѣна продуктовъ. Говоря о національномъ хозяйствѣ надо имѣть въ виду прежде всего распредѣленіе хозяйственныхъ функцій среди еврейства и создаваніе собственныхъ продуктовъ обмѣна. Тогда лишь еврейство вступитъ въ всемірную конкурренцію, какъ равноправный членъ, какъ ор-

ганизованное цѣлое, какъ сила, которая тоже можетъ диктовать свои условія.

Посмотримъ теперь второе опредѣленіе «національнаго хозяйства»; хозяйство, въ которомъ еврейскіе рабочіе были бы эксплуатированы только еврейскими, а не другими капиталистами. И здѣсь снова „теоретикъ" увѣряетъ насъ, что капитализмъ надѣлалъ страшныя бѣды: „никакое производство не кормится силами рабочихъ только одной націи", и что эта тенденція стремится къ перемѣщенію пролетаріевъ всѣхъ народностей.

Примемъ на минуту опредѣленіе за вѣрное. Но откуда нашъ «теоретикъ» почерпнулъ свои свѣдѣнія о перемѣщеніи пролетаріата? Гдѣ, въ какой странѣ онъ это наблюдалъ? Какой пролетаріатъ эмигрируетъ и куда? Слушайте, уважаемый «теоретикъ»! До тѣхъ поръ, пока въ Германіи капитализмъ не былъ развитъ, приблизительно до половины семидесятыхъ годовъ, нѣмцы эмигрировали массами, по нѣсколько сотъ тысячъ въ годъ.

Въ послѣднюю четверть прошлаго столѣтія, именно въ эпоху цвѣтущаго состоянія германскаго капитализма, эмиграція все болѣе и болѣе падаетъ и достигаетъ теперь лишь 20—25 тысячъ въ годъ, не смотря на необыкновенное увеличеніе населенія. Въ первую половину XIX-го столѣтія Англія и Франція были эмиграціонными странами и посылали сотни тысячи людей въ Сѣверную Америку и въ Австралію. А съ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія *съ развитіемъ капитализма* эта эмиграція все болѣе и болѣе уменьшалась, а въ послѣдніе 15—20 лѣтъ совершенно прекратилась, такъ что теперь ни Франція, ни Англія не имѣютъ достаточно человѣческаго матеріала для заселенія собственныхъ колоній. Италія, какъ извѣстно, распадается въ экономическомъ отношеніи на сѣверную—индустріальную и южную—земледѣльческую область. Откуда происходитъ эмиграція итальянцевъ? Въ каждой книжкѣ, посвященной вопросу объ эмиграціи, «теоретикъ»

могъ бы прочитать, что эмигрируютъ преимущественно изъ южной, агрикультурной, Италіи, а не изъ сѣверной съ развитымъ капитализмомъ. Изъ Австро-Венгріи эмигрируютъ: но откуда? Не изъ индустріальныхъ частей этой имперіи, а главнымъ образомъ, изъ земледѣльческой Венгріи. Это настолько банальныя истины, что каждое правительство эмиграціонныхъ странъ озабочено введеніемъ индустріи, хотя бы очень дорогой цѣной привеллегій и протекціонныхъ пошлинъ, именно для того, чтобы уменьшить эмиграцію [1]). Фактъ, однимъ словомъ, таковъ: *развитіе капитализма вездѣ и повсюду уменьшаетъ, или совершенно уничтожаетъ эмиграцію изъ страны*. Происходитъ передвиженіе пролетаріата, но внутри страны, изъ селъ въ города, изъ одной провинціи въ другую, но не изъ страны въ страну. И если-бы капиталисты не хотѣли бы ограничиваться силами собственной націи, то возростающее вліяніе рабочаго класса заставило бы и заставляетъ ихъ самоограничиваться: вотъ чѣмъ, собственно, надо объяснить ограничительные законы противъ иммиграціи. Только на одинъ народъ капитализмъ дѣйствуетъ въ обратномъ смыслѣ, потому что онъ не находитъ примѣненія своимъ силамъ въ капиталистическомъ процессѣ: на еврейскій. Еврейская масса должна эмигрировать не потому, что капитализмъ вообще заставляетъ массы выселяться въ чужія страны—это фактически невѣрно,—а потому что онъ именно ее, еврейскую массу, гонитъ. Здѣсь лежитъ косвенное доказательство ненор-

---

[1]) Мы знаемъ, что хотя массовая эмиграція аграрныхъ элементовъ то же есть слѣдствіе,—хотя и косвенное,—капитализма въ первоначальной стадіи его развитія. Но Бундъ говоритъ объ уже развитомъ капитализмѣ, о возрастающей тенденціи. Это не вѣрно: тенденція уже развернувщагося капитализма фиксировать пролетарскія массы въ странѣ, Но къ евреямъ непримѣнимъ даже тенденція только что появляющагося капитализма, ибо они не имѣли земледѣльческаго класса; у евреевъ капитализмъ не могъ произвести эмиграцію изъ деревень въ города, какъ это происходило у другихъ народовъ.

мальной пролетаризаціи еврейской массы, т. е. ея непроникновенія въ капиталистическій процессъ.

Когда мы говоримъ о „національномъ хозяйствѣ", мы имѣемъ въ виду именно это явленіе фиксированія пролетарскихъ массъ національнымъ капитализмомъ. А что касается ироническаго замѣчанія „теоретика" на счетъ того, что мы стремимся къ такому хозяйству, въ которомъ еврейскіе пролетаріи были-бы эксплоатированы исключительно еврейскими капиталистами, то мы совѣтуемъ ему спросить своихъ единомышленниковъ не только въ Россіи, но и въ Галиціи, и въ Лондонѣ, и въ Нью-Іоркѣ, *кто* ихъ эксплоатируетъ? Еврейскій, или нееврейскій капиталистъ? Этотъ фактъ, что въ діаспорѣ еврейскій рабочій находитъ работу только у еврейскаго капиталиста, настолько извѣстенъ и мы лично о немъ столько разъ говорили на страницахъ «Евр. Жизни» что мы считаемъ излишнимъ снова возвращаться къ нему. Мы и здѣсь — въ діаспорѣ—живемъ въ рамкахъ національнаго хозяйства, но крайне ненормальнаго, болѣзненнаго, лишеннаго живительныхъ соковъ земледѣльческаго класса, лишеннаго національной цѣлостности и соціально нормальной дифференціаціи.

Понялъ-ли теперь „теоретикъ", что такое «національное хозяйство»? Сомнѣваемся! Мы ему поэтому приведемъ очень конкретный фактъ, который по своей выпуклой рѣзкости особенно бросается въ глаза и сразу помогаетъ намъ оріентироваться въ лабиринтѣ цѣлаго ряда соціальныхъ явленій изъ жизни русскаго еврейства. Случился этотъ фактъ совсѣмъ недавно въ г. Бѣлостокѣ и описанъ онъ не въ органѣ сіонистовъ, Боже, упаси, а въ... Volkszeitung № 6, отъ 24-го февраля с. г. Цитируемъ дословно: „Случилось это на небольшой ткацкой фабрикѣ Порецкаго, гдѣ работаютъ христіанскіе и еврейскіе рабочіе; ***христіане работаютъ на паровыхъ, а евреи на ручныхъ ткацкихъ станкахъ***. Порецкій рѣшилъ замѣнить 6 ручныхъ станковъ паровыми. И такъ какъ на ручныхъ станкахъ у него работали

евреи, то онъ предложилъ тѣмъ-же евреямъ работать на новыхъ (паровыхъ) станкахъ. Спрашивается, имѣютъ-ли еврейскіе рабочіе право работать на паровыхъ станкахъ? Это вообще смѣшной и *неестественный* (a mschunedige) вопросъ.

И все таки часть христіанскихъ ткачей рѣшила, чтобы ни за что не допустить ихъ еврейскихъ товарищей къ паровымъ станкамъ. Еще болѣе: *они угрожаютъ прогнать силой еврейскихъ рабочихъ съ этихъ (новыхъ) станковъ*, полагая при этомъ, что они правы, потому что, по ихъ мнѣнію, *самимъ Богомъ заповѣдано, чтобы на паровыхъ станкахъ работали христіанскіе, а на ручныхъ станкахъ—еврейскіе ткачи*. Такихъ заповѣдей для насъ не существуетъ. Вы должны понять (это обращеніе къ христіанскимъ ткачамъ), что съ увеличеніемъ количества паровыхъ станковъ количество ручныхъ станковъ не увеличивается, наоборотъ, дѣлается все меньше и меньше. И такъ какъ это происходитъ во всѣхъ государствахъ, то по ихъ (христіанскихъ рабочихъ) мнѣнію случится то, что отовсюду выгонятъ евреевъ на улицу. Чтобы себя гарантировать отъ безработицы - еще вопросъ, будетъ-ли такъ, — вы готовы превратить всѣхъ еврейскихъ рабочихъ въ нищихъ и просящихъ милостыню! И такими средствами вы стараетесь улучшить ваше положеніе? Такимъ способомъ желаете вы спастись отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, которыя приноситъ съ собой капитализмъ!" (К. Н.).

Оставимъ въ сторонѣ лирическія изліянія довольно жалкаго характера, равно какъ и смѣшныя угрозы, что „евреи не допустятъ этого", а анализируемъ факты и выйдетъ, что всѣ утвержденія поалеціонистовъ вѣрны: еврейскіе рабочіе допускаются только къ ручнымъ станкамъ, т. е. только въ мелкую индустрію, еврейскій рабочій выталкивается изъ машиннаго производства то изъ-за капиталистовъ, то изъ-за христіанскихъ рабочихъ. Это явленіе происходитъ „во всѣхъ государствахъ" и наконецъ требованіе національзаціи труда

со стороны нееврейскихъ рабочихъ, въ противовѣсъ которому и еврейскіе рабочіе должны выставить требованіе „національнаго хозяйства“ на собственной территоріи.

Теперь мы можемъ отвѣтить бундовскому теоретику на его вопросъ, что такое національное хозяйство: это такое, въ которомъ факты, подобно Бѣлостокскому, будутъ невозможны не потому, что нееврейскій рабочій пойметъ несчастное положеніе еврейскаго пролетарія, не потому что онъ дорастетъ до классоваго самосознанія, а по чисто объективнымъ причинамъ. Національное хозяйство такое, гдѣ всѣ экономическія группы народа свободно развиваются, а для этого нужно имѣть собственный клочокъ земли.

Мы закончили разсмотрѣніе рѣшенія еврейскаго вопроса, какъ оно предложено автономистами. Мы видѣли, что они не рѣшаютъ ни національной, ни соціальной стороны еврейскаго вопроса, даже въ примѣненіи къ еврейскому пролетаріату.

Соціалъ-демократы въ теоріи, они на практикѣ представляютъ мелко-буржуазную партію, способную схватить только отдѣльные моменты жизни, но не всю жизнь. Между ихъ теоріей и ихъ практикой нѣтъ логической связи, а въ общемъ у нихъ отсутствуетъ вполнѣ творческая мысль. Ихъ сила лишь въ томъ, что они очень быстро находятъ палліативы, отвѣчающіе на злобу дня. Будучи теоретически... очень слабъ и практически непослѣдователенъ, Бундъ осужденъ на исчезновеніе.

Это тѣмъ быстрѣе произойдетъ, чѣмъ болѣе общественная жизнь Россіи войдетъ въ нормальную колею и чѣмъ болѣе сіонизмъ войдетъ въ стадію реализаціи его идеала.

Между двумя стульями долго сидѣть нельзя.